

Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ.

Господь упованіе мое и крѣпость моя,—кого убоюсь". Вотъ тѣ проникновенныя слова, которыя вошли въ сердца своихъ всѣ русскіе люди въ тяжелый 1812 годъ. Эти слова посылали теплый лучъ надежды, какъ въ сердце Государя, такъ и послѣдняго рядового, призваннаго къ защитѣ отечества; въ нихъ черпали силу и вожди воинства русскаго, да и вся Русь соединилась подъ великимъ стягомъ, на которомъ огненными буквами сіяли эти слова. И люди русскіе, нося ихъ въ сердцѣ своемъ, взывали къ Создателю, прося, чтобы Онъ послалъ силу воинству,—доблесть и мудрость вождямъ его. И теперь нельзя читать повѣствованій объ этой великой брани и не преклоняться передъ именами людей, бывшихъ ея участниками и своею доблестью давшихъ Россіи право на ея дальнѣйшую жизнь. Однимъ изъ этихъ великихъ людей былъ и князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, душой своей постигшій ту истину, что успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ степени подъема духа человѣческаго. Ему была извѣстна скрытая отъ огромнаго большинства людей святая тайна воспламененія огня въ сердцѣ каждаго воина, и онъ пользовался этимъ даромъ, превращая этотъ огонь въ ураганъ всеокрушающаго пламени. Даръ этотъ нельзя позаимствовать отъ людей, ибо онъ не отъ человѣка—нельзя передать его изъ устъ въ уста. т. к., съ переходомъ въ вѣчность, человѣкъ возвращаетъ его къ трону Создателя.

Родъ князей Багратионовъ ведетъ свое начало съ IX столѣтія нашей эры. Нѣкоторые кн. Багратионы были царями Имеретіа, Кахетіа и Картлиніа. При Императорѣ Александрѣ I-мъ въ 1803 году кн. Багратионы внесены въ число російскихъ княжескихъ родовъ. Внукъ царя Грузіа Вахтанга VI состоялъ на русской службѣ еще при Екатеринѣ II-й и въ чинѣ генералъ-поручика командовалъ сибирской дивизіей; племянникъ же царя Вахтанга—царевичъ Александръ, въ то же царствованіе, былъ полковникомъ русской же службы. Внукъ этого царевича Александра и былъ герой отечественной войны—князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, который еще до этой войны составилъ себѣ имя, будучи однимъ изъ лучшихъ генераловъ въ арміи Суворова.

Кто не помнитъ дѣяній нашего безсмертнаго полководца, а также и того, что въ трудныя и рѣшительныя минуты Суворовъ возлагалъ на своего любимца—кн. Багратиона самыя отвѣтственныя порученія, говоря ему: „атакуй съ Богомъ“, или: „иди, Господь тебя благословитъ“,—и кн. Багратионъ съ честью выполнялъ всѣ эти порученія.

Кн. Багратионъ родился въ 1765 году и въ 1782 г. былъ уже сержантомъ въ мушкетерскомъ полку, съ которымъ и начинаетъ свое боевое поприще въ битвахъ съ кавказскими горцами въ 1783—84—88 и 90 г.г., а также принимаетъ участіе и при взятіи Очакова въ 1788 г. Въ ноябрѣ 1793 г. онъ уже произведенъ въ чинъ премьеръ-маіора и въ 1794 г. переведенъ въ Софійскій карабинерный полкъ, съ которымъ дѣйствуетъ противъ польскихъ конфедератовъ. Здѣсь, командуя небольшими отрядами, онъ выказываетъ въ полной мѣрѣ свое стремленіе всегда атаковать, а не ждать атаки непріятеля,—атаковать, несмотря на то, что численно онъ всегда слабѣе непріятеля: 25 іюня при Бресчѣ, 7 іюля при Сѣдлицахъ, 26 іюля—при Дерячинѣ, 21 сент.—при Тотнардинѣ и 23 сент.—дѣло съ 6-ю польскими эскадронами, 13 окт. при С. Брокъ—вотъ краткій перечень тѣхъ смѣлыхъ и стремительныхъ налетовъ, которыми онъ составилъ уже нѣвѣстность себѣ среди войскъ и былъ произведенъ въ подполковники. Ни разу за весь этотъ періодъ, онъ не потерпѣлъ неудачи, а наоборотъ наносилъ удары врагу, забывая даже пѣльняныхъ и пушки. Во время штурма Праги, онъ отбрасываетъ многочисленную конницу поляковъ къ Вислѣ, чѣмъ облегчаетъ задачу по взятію этого предмѣстья. Тутъ Суворовъ обратилъ на него вниманіе, и съ этой поры кн. Багратионъ становится близкимъ помощникомъ и сотрудникомъ великаго полководца,—становится однимъ изъ наиболѣе чуткихъ его учениковъ, подготавливая себѣ будущность славнаго вождя нашей арміи, вождя, вся дѣятель

ность котораго является какъ бы продолженіемъ дѣла его учителя.

Въ 1798 г. кн. Багратионъ былъ назначенъ шефомъ 8 Егерскаго полка и на слѣдующій годъ, будучи уже генераль-майоромъ, выступилъ въ итальянскій походъ въ рядахъ Суворовской арміи¹⁾. Во время этой кампаніи, блестящія страницы боевой дѣятельности кн. Багратиона смѣняютъ одна другую; тутъ—что ни дѣло, то новый лавръ въ вѣнокъ его славы. Командуя передовымъ отрядомъ изъ батальона и двухъ казачьихъ полковъ, онъ рѣшительно атакуетъ многочисленнаго непріятеля у Бресчин и наноситъ ему пораженіе: беретъ 1.800 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ былъ и комендантъ этой крѣпости и 42 пушки. Непріятель отходитъ на Бергали, оставивъ у Пуцолло заслонъ силою до 7.000 съ 8-ю пушками. Багратионъ 12 апрѣля втѣкаетъ и разбиваетъ этотъ отрядъ и, захвативъ 80 плѣнныхъ, гонитъ непріятеля до Лекко, и все это сравнительно съ небольшими силами.

1 мая у Лекко непріятель сосредоточилъ дивизію; у Багратиона было три казачьихъ полка, егерскій полкъ и бат. гренадеръ; съ ними онъ атакуетъ и наноситъ непріятелю потерю до 700 челов. Два раза непріятель, видя малочисленность войскъ Багратиона, переходитъ самъ въ наступленіе, но послѣ 12 часового боя, потерявъ болѣе 3.000 человѣкъ и 200 плѣнныхъ, отступаетъ. Багратионъ былъ раненъ въ этотъ день пулею въ ногу. Подъ Тортоной Багратионъ отражаетъ внезапную вылазку непріятеля. Подъ Александріей онъ искуснымъ маневромъ угрожаетъ обходомъ праваго фланга французовъ и наноситъ имъ потерю до 2.000 челов., захвативъ до 300 плѣнныхъ. На Тидонѣ, Требин и Нурѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней идетъ упорный бой, при чемъ Багратиономъ взято до 1.600 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ до 120 офицеровъ,—взято также 18 знаменъ и 3 пушки. Подъ Серравалли авангардъ Багратиона забралъ въ плѣнъ гарнизонъ этой крѣпостцы. Подъ Нови, во время атаки, онъ беретъ въ плѣнъ 4 генераловъ, 500 и. чиновъ и захватываетъ 21 пушку.

Начался Швейцарскій походъ, гдѣ на каждомъ шагу препят-

¹⁾ Въ гор. Веровѣ Суворову представлялись начальники арміи. Великій полководецъ стоялъ зажмурившись и когда ему называли фамиліи генераловъ, ничѣмъ не заявившихъ о себѣ на воен. поприщѣ, онъ, не открывая глазъ, говорилъ: „Помилуй Богъ—не слыхалъ“. Назвали Багратиона. Суворовъ взглянулъ на него и, сказавъ: „князь Петръ“, обнялъ его и поцѣловалъ въ глаза и въ губы, добавивъ: „Господь съ тобою“. У Багратиона показались на глазахъ слезы. Да и кого не потрясетъ эта глубоко подвиженная сцена.

стнѣя и отъ суровой природы, и отъ войскъ непріятеля, и отъ недостатка припасовъ, и, наконецъ,—отъ горной стужи. 13 сент. авангардъ Багратіона, состоящій изъ двухъ егерскихъ полковъ и 4 отдѣльных б—новъ, настигъ непріятеля въ окрестностяхъ С.-Готарда у м. Айроло и пошелъ въ штыки противъ праваго фланга противника; послѣдній отступилъ и утвердился за скалами С.-Готарда, но это не остановило Багратіона, который не сталъ заниматься бесполезной въ данномъ случаѣ перестрѣлкой, а снова пошелъ въ штыки и выбилъ французовъ изъ-за скалъ.

14 сент. онъ перешелъ черезъ „Чортовъ мостъ“ и гналъ французовъ до Люцернского озера. 16 онъ быстро атакуетъ небольшой непріятельскій отрядъ у д. Мутенталь и забираетъ его въ плѣнъ. 19 съ авангардомъ выступаетъ изъ Мутенталья къ Гларису и у дер. Кленталь встрѣчаетъ сильный отрядъ французовъ. Обойдя съ егерями правый непріятельскій флангъ, онъ ударилъ въ штыки и погналъ французовъ къ оз. Сейруте, захвативъ при этомъ въ плѣнъ командира полка и 70 н. чиновъ. Въ Сейруте, подъ его напоромъ, утонуло до 200 французовъ.

На другой день, соединившись съ дивизіею ген. Швейковскаго, Багратіонъ атакуетъ французовъ, укрѣпившихся на трудно доступной позиціи у Клопталя. Сраженіе длится цѣлый день, непріятель упорно сопротивляется. Багратіонъ контуженъ картечью, но все же въ полночь упорство французовъ сломлено, и они отступаютъ. 24 сент. мы видимъ Багратіона въ роли начальника арьергарда, прикрывающимъ отходъ арміи Суворова по невѣдомымъ никому горнымъ тропамъ, и здѣсь онъ, какъ раненый левъ, бросался на врага и не только не уступилъ ему ни пяди занимаемаго имъ мѣста, но даже самъ погналъ французовъ, вдохнувъ отвагу въ свои измученныя войска. Этимъ закончилась дѣятельность кн. Багратіона въ эту кампанію, и, конечно, имя его стало бы историческимъ, если бы судьбѣ было угодно поставить точку именно въ этомъ мѣстѣ его кнвти жизни, но она готовила его будущности еще много тяжелыхъ испытаній. Дѣйствія только лишь 24 сент. могли бы создать для Багратіона историческую извѣстность: сдѣлай онъ тогда со своими голодными и измученными воинами передъ противникомъ и конецъ всѣхъ дѣлъ Суворова въ Швейцаріи былъ бы печаленъ; померкла бы слава русскихъ знаменъ, и самое имя Суворова и память о его „чудо-богатыряхъ“ не были бы такъ святы, какъ святы они теперь не только въ памяти русскаго человѣка, но и въ памяти горцевъ Швейцаріи. Не даромъ же среди нихъ живетъ повѣріе, что по горамъ ходитъ старикъ съ огненнымъ взоромъ и ищетъ чего-то среди угрюмой природы. Это русскій полководецъ Суво-

ровъ, говорятъ они: ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бились когда-то его воины; онъ посѣщаетъ могилы павшихъ въ бояхъ и молить Всевышняго о упокоеніи ихъ душъ (Петрушевскій—о Суворовѣ). Но Багратионъ не сдалъ, и его свѣтлое имя не было омрачено темнымъ пятномъ, такъ же, какъ и слава воиновъ русскихъ и ихъ незабвеннаго великаго вождя.

Наступаютъ 1805—6 и 7 годы, и здѣсь на долю Багратиона выпадаетъ быть начальникомъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, изъ которыхъ съ честью только и могутъ выходить люди, одаренные свыше. Въ самомъ началѣ войны онъ уже, въ отвѣтственной роли начальника арьергарда, прикрываетъ отходъ арміи Кутузова и прикрываетъ съ успѣхомъ, но отнюдь не при посредствѣ пассивныхъ дѣйствій, а съ постояннымъ стремленіемъ атаковать. И онъ дѣйствительно атакуетъ, заставляетъ непріятеля отступать и забираетъ плѣнныхъ. Какъ хорошо и полно обрисованъ Багратионъ въ шенграбенскомъ бою гр. Толстымъ, сдерживающій здѣсь со своимъ 6 тысячнымъ отрядомъ натискъ огромныхъ силъ французовъ. Въ этомъ описаніи такъ и сквозитъ то „нѣчто“, чѣмъ былъ одаренъ этотъ воинъ. Безъ многихъ словъ, безъ громкихъ фразъ онъ дѣйствуетъ на войска лишь только своимъ личнымъ присутствіемъ. Читатель не найдетъ въ этомъ правдивомъ повѣствованіи, переданномъ глубокимъ знатокомъ души человѣческой, никакихъ особыхъ приказаній, которыя исходили бы отъ Багратиона, нѣтъ,—онъ увидитъ его спокойно развѣзжающимъ среди войскъ. Онъ то останавливается и всматривается въ поле сраженія, то подъѣзжаетъ къ войскамъ, какъ бы для того, чтобы посмотреть, что они дѣлаютъ,—на самомъ же дѣлѣ только для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, что не колеблется ли духъ ихъ. На всѣ доклады адъютантовъ и начальствующихъ лицъ онъ, какъ бы нехоти, отвѣчаетъ: „хорошо, хорошо“. Можно подумать, читая все это, что онъ и совсѣмъ не интересуется этими докладами,—пропускаетъ ихъ мимо ушей, какъ нѣчто не важное и незначительное, но это не такъ. На самомъ дѣлѣ онъ все выслушиваетъ, все взвѣшиваетъ и это апатично сказанное, съ наклономъ головы, „хорошо“ произнесено имъ только лишь для успокоенія его войскъ, съ которыми онъ связанъ теперь невидимыми нитями, по которымъ его настроеніе передается и имъ.

Онъ все слышитъ и все видитъ и, какъ парящій подъ облаками орелъ, онъ уже знаетъ то мѣсто, куда ему нужно низвергнуться, чтобы схватить добычу, такъ и онъ въ рѣшительную минуту уже тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. „Молодцами идете“, говоритъ онъ полку, который, отбивая шагъ, стремится какъ лавина на-

встрѣчу непріятелю. „Рады стараться, го-го-го“ кричатъ польщенные похвалою солдаты, и этотъ вопль уже закрѣпляетъ за ними побѣду, потому что они не захотятъ уже уронить себя въ его глазахъ, тѣмъ болѣе послѣ этой похвалы. Онъ и еще похвалить, думаютъ эти люди и въ предвкушеніи этого „еще“ каждый готовъ жертвовать жизнью. Да вотъ и самъ онъ идетъ уже съ ними, вотъ поднялась его рука съ обнаженной шашкой. Значить, настала минута. А-а-а, какъ стихійный ревъ ургана,—могучій и неотразимый застоналъ въ воздухѣ, и съ такимъ воплемъ и съ такимъ порывомъ нельзя быть побѣжденнымъ. Надо умѣть во-время прибыть туда, куда, по условіямъ боя,—это необходимо; надо умѣть похвалить безъ фальши,—отъ души и сердца, такъ, чтобы солдатъ почувствовалъ, что эта похвала есть братаніе начальника съ его простой солдатской душой; надо умѣть стать впереди части и вестя ее въ бой, показывая примѣръ, но сдѣлать это безъ игры, безъ рисовки, а такъ, чтобы солдаты почувствовали, что идущій впереди ихъ начальникъ вдругъ сталъ такимъ же простымъ солдатомъ, какъ и они,—что онъ ихъ старшій братъ, который любитъ ихъ всѣмъ нутромъ своимъ, и тогда они начнутъ боготворить такого человѣка и въ огонь и воду пойдутъ за нимъ и грудью своею закроютъ его. Нужно знать и чувствовать, что душа человѣка русскаго соткана Творцомъ изъ нивыхъ „струй“, нежели душа француза, итальянца и т. д. Быть можетъ, Творецъ для созданія этихъ душъ взялъ горячій солнечный лучъ, и душа, не утративъ внутренняго жара, вложеннаго въ нее отъ начала временъ, получила способность воспламеняться отъ какого-нибудь пустяка:—отъ высокопарнаго слова,—отъ театральнаго жеста,—въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, вѣтъ ничего теплотворнаго, „Сорокъ вѣковъ смотритъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ“, слышитъ эта душа и видитъ, что говорящій эти слова выкрикиваетъ ихъ съ полнымъ театральнаго паэоса жестомъ,—и этого довольно для ея воспламененія, ибо достаточно прикоснуться тлѣющимъ уголькомъ къ ней, чтобы загорѣлся неглубоко скрытый въ ней внутренній очагъ. А русская душа,—изъ чего ты соткана Творцомъ, неуловимая въ глубинѣ своей? то холодная, то нѣжная и любящая до предѣловъ святой ласки материнской; то безропотная въ страданіи, то спокойная въ радости. Кто пойметъ тебя и кто дойдетъ до глубинъ твоихъ и найдетъ въ нихъ тотъ святой огонекъ вѣчно горящей предъ Трономъ Создателя лампады, изъ луча которой Онъ и соткалъ, быть можетъ, твои фибры. Только геній можетъ проникнуть въ глубины твои, ибо предъ нимъ снимаются печати отъ нѣдръ твоихъ.

Помню, во время турецкой войны довелось мнѣ быть въ

3-хъ дневномъ бою въ окрестностяхъ Карса, и мы не имѣли тогда того успѣха, на который надѣялись. Богъ знаетъ—чему это приписать,—быть можетъ и тому, что мѣстность была безводна, и всѣ страдали отъ жажды. Библейскій старецъ, Араратъ, въ бѣлой снѣжной шапкѣ, былъ великолѣпенъ. Кутаясь въ туманной фіолетовой дымкѣ солнечнаго заката, онъ хмуро смотрѣлъ на человѣческій муравейникъ, копошащійся гдѣ-то тамъ въ дали—у его подножія. И безстрастенъ былъ старикъ ко всѣмъ воплямъ и стовамъ человѣческимъ, несущимся изъ глубины, какъ безстрастна къ нимъ и сѣдая вѣчность. И мнѣ пришла тогда въ голову такая мысль: что, если бы кто-либо изъ генераловъ, или самъ главнокомандующій, котораго очень любили въ арміи, собравъ утомленные войска, сказалъ бы, указывая на Араратъ: ребята, океаны вѣковъ смотрятъ на васъ съ убѣленной сѣданой вершины этой горы—и т. д. Думаю: ничего бы изъ этого не вышло, и результатъ получился бы приблизительно такой:

— Чавой то ёнъ говорилъ,—спросилъ бы Ивановъ у Петрова по окончаніи этого „парада“.

— А кто е знаетъ чаво,—разя поймешь ихъ, про чаво они говорятъ; тыкнулъ анто значитъ въ гору, да и говоритъ, что каки-то вѣки оттелъ на насъ уставились, а каки-таки и не разберешь.

— Что жъ,—кози глядятъ, то и пуцай себѣ глядятъ,—сказалъ бы Ивановъ.

— И пуцай глядятъ,—подтвердилъ бы Петровъ и вслѣдъ за этимъ заговорилъ бы о какихъ-нибудь подметкахъ, которыя у него износились или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ. Словомъ: изъ всего этого получился бы только лишь мыльный пузырь.

Помню: въ кавказской арміи былъ одинъ старый генералъ, которому секретъ проникновенія въ тайники души солдатской былъ повидимому отчасти знакомъ. Какъ я всегда можетъ случиться на войнѣ, войска очень обносились обувью. Солдаты ходили либо въ стоштаныхъ сапогахъ, изъ которыхъ торчали пальцы, либо въ самодѣльныхъ рваныхъ опоркахъ. Писали, куда надо, и говорили кому слѣдовало, а сапогъ все нѣтъ. Люди ходятъ повурье,—начальники затылки почесываютъ. Словомъ: вопросъ былъ остръ для всѣхъ. Приѣзжаетъ этотъ генералъ—смотритъ полкъ. Солдаты выстроены. Пальцы изъ сапогъ торчатъ, опорки вопіютъ о своемъ убожествѣ. Начальникъ волнуется: раслушить, молъ, насъ неповинныхъ, и будетъ стыдъ передъ людьми. Подѣхалъ старикъ и сразу поправилъ дѣло и не тѣмъ, конечно, что привезъ съ собою сапоги для раздачи, а чѣмъ-то другимъ, на что, быть можетъ, онъ только одинъ и былъ здѣсь способенъ: „Здорово, солдатушки“, сказалъ онъ

громко и такимъ задушевнымъ тономъ, слыша который, велья было сомнѣваться въ томъ, что стоящіе передъ нимъ люди дѣйствительно для него „солдатушки-ребятушки“ и что онъ желаетъ имъ здоровья не потому, что это такъ принято при привѣтствіи, а отъ души и сердца, какъ любящій и желающій имъ всякаго добра старшій ихъ начальникъ. Солдаты сразу уловили это и насторожились, ожидая, что-то еще имъ скажетъ этотъ старикъ; а онъ непременно скажетъ, иначе и быть не можетъ. И онъ дѣйствительно сказалъ; всего только три слова и сказалъ имъ, но и этимъ онъ уже привлекъ ихъ простыя сердца. И ничего не было особеннаго въ этихъ словахъ, но именно въ силу ихъ крайней задушевности и простоты, они и дошли до глубины: „Какъ ваши сапожки?“ услышали люди вопросъ, послѣ того, какъ дружно отвѣтили старику на привѣтствіе. Лица солдатъ сразу почему-то повеселѣли; послышался даже сдержанный смѣхъ въ заднихъ рядахъ, и полкъ сбросилъ съ лица своего уныніе и тоску и превратился въ часть, хотя и одѣтую въ лохмотья и опорки, но бодрую и твердую духомъ.

— Орелъ старикъ-то,—говорилъ послѣ смотра Ивановъ Петрову.

— Н-да, братъ, жалосливый: какъ, грить: ваши сапожки, въ самую жилу, значить, угодилъ, потому все горе теперь отъ сапоговъ происходитъ.

— Енъ до всего дойдетъ.

— Дойдетъ; съ такимъ не пропадешь... и т. д.

Зато когда Елизаветпольскій полкъ шелъ подъ Ардаганомъ на штурмъ сильнаго форта Гюлябердъ, то стояло этому старику только сказать солдатамъ: „навались, ребятушки“, и они духомъ взобрались на высокую гору и штыками вырвали у турокъ сильный фортъ и ключъ къ крѣпости. Вотъ какое впечатлѣніе производятъ на сердце солдатское высокопарныя фразы объ „океанахъ вѣковъ“, и вотъ что дѣлаютъ безхитростныя три слова по поводу изношенныхъ солдатскихъ сапогъ. Нужно только умѣть сказать эти слова. Другой бы и сквазаль, да только равнымъ счетомъ изъ этого ничего бы не вышло.

Вотъ тотъ „секретъ“, который въ сердцѣ своемъ носилъ и кн. Багратионъ; вотъ то „нѣчто“, при посредствѣ чего онъ улавливалъ солдатскія души, покоряя ихъ себѣ и дѣлая людей героями ¹⁾.

Продолжаемъ дальнѣйшее повѣствованіе о дѣятельности кн. Ба-

¹⁾ Не даромъ же солдаты въ пылу боя кидались къ нему, цѣловали его стремя и кричали: „Отецъ нашъ, веди насъ, умремъ съ тобою“.

гратиона:—14-го ноября 1805 г. онъ во своимъ авангардомъ ведетъ упорный бой подъ Вишау, и неприятель подъ его напоромъ отходить до Раусница, гдѣ, несмотря на соединеніе войскъ противника, Багратионъ все же успѣшно его атакуетъ и беретъ въ плѣнъ 23 офиц. и 500 н. чиновъ.

Послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, онъ ведетъ аррьергардный бой у М. Уртиць.

За войну 1805 г. кн. Багратионъ получилъ чинъ генераль-лейтенанта и орденъ Св. Георгія 2-й ст.

Въ кампаніи 1807 г. кн. Багратионъ принимаетъ едва-ли не самое видное участіе. По обыкновенію, онъ то авангардный, то аррьергардн. начальникъ, словомъ—на отвѣтственныхъ постахъ.

15-го января, онъ съ авангардомъ выбиваетъ французовъ изъ ретраншаментовъ Замборы. Тѣмъ временемъ подоспѣваетъ Наполеонъ съ гл. силами и тѣснитъ нашу армію, которую Багратионъ прикрываетъ своимъ аррьергардомъ. Главнокомандующій Беннигсенъ рѣшаетъ дать у Прейсишъ-Эйлау отпоръ противнику и приказываетъ Багратиону во что бы то ни стало задержать французовъ, чтобы дать возможность присоединиться къ арміи слѣдовавшимъ изъ Вольфдорфа батареямъ пушекъ. Французы атаковали нѣсколько разъ, но Багратионъ отразилъ ихъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока не приказали ему присоединиться къ арміи. Въ теченіе дальнѣйшаго 2-хъ дневнаго боя, онъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ и корпусъ Дохтурова, много способствовалъ одержанной тогда побѣдѣ.

До 23 мая кн. Багратионъ принималъ непосредственное участіе во многихъ мелкихъ дѣлахъ въ прежней своей роли. Онъ то атакуетъ, то устраиваетъ засады и всегда съ успѣхомъ. Перечислять всѣ эти дѣла въ этомъ краткомъ очеркѣ трудно. 24 мая онъ ведетъ бой съ сильнымъ отрядомъ французовъ у Альткирхена. Въ этомъ бою кн. Багратионъ предварительно маневрируетъ, стараясь поставить свой авангардъ въ невыгоднѣйшее для нанесенія рѣшительнаго удара противнику положеніе. Неприятель правымъ своимъ флангомъ занялъ Альткирхенъ, лѣвый прикрылъ за густымъ лѣсомъ, а на фронтѣ расположилъ сильныя батареи и множество стрѣлковъ. Передъ фронтомъ мѣстность была болотистая и сильно изрытая. Багратионъ поставилъ отряды Багвута и Раевского противъ фланговъ неприятеля, а самъ во главѣ главной массы своихъ войскъ пошелъ въ штыки на фронтъ неприятеля, который, не выждавъ удара, бросилъ позицію. Конница наша съ конной артил. преслѣдовали и нанесли французамъ значительный уронъ. Въ этомъ дѣлѣ неприятель былъ численно сильнѣе насъ, да и позиція его была крѣпка, но вѣдь Багратионъ, а не кто другой атаковалъ фран-

цузовъ. Давъ войскамъ кратковременный отдыхъ у дер. Квецъ, Багратионъ въ 3 ч. утра слѣдующаго дня снимается съ бивака и настигаетъ ихъ на высотахъ у дер. Анкендорфъ. Правый ихъ флангъ занималъ высокую лѣсистую гору, гдѣ были и батареи, а лѣвый былъ прикрытъ болотами. Передъ всею ихъ позиціей была открытая равнина. Снова повторилась вчерашняя же исторія: прорываясь огнемъ артиллеріи, Багратионъ ведетъ атаку противъ праваго фланга и принуждаетъ непріятеля къ отступленію, преслѣдуя его конницею Уварова. Оба эти дѣла ведены съ необычайной энергіей. „Глазomѣръ, быстрота и натискъ“.

Непріятель отошелъ за р. Пассаргу; ночью въ тотъ же день, Багратионъ посылаетъ Платова съ казаками, которые тревожатъ его шкеты и берутъ плѣнныхъ. Сидѣть на плечахъ отходящаго непріятеля и днемъ, и ночью, — вотъ обычная тактика Багратиона. На слѣдующій день французы успѣли подкрѣпиться свѣжими войсками и рѣшили перейти въ наступленіе, имѣя намѣреніе открыть себѣ путь на Кенигсбергъ. 27 мая они начали переправу черезъ Пассаргу, намѣреваясь обойти правый флангъ нашей арміи. Нашъ главнокомандующій, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ Багратиона, началъ отходить къ Гейльсбергу, прикрываясь аррьергардомъ Багратиона. 28 мая, сильно напврая на аррьергардъ, непріятель атаковалъ его своею конницею. Это было у Гутштата. Несмотря на порывъ и энергію, которыми сопровождалась эта атака, она все же была неудачна. Ощетивенныя штыками каре отбили эти атаки, и такъ повторялось нѣсколько разъ, пока вечеромъ этого числа кн. Багратионъ не присоединился къ арміи на позиціи у Гейльсберга, гдѣ главнокомандующій нашъ рѣшилъ встрѣтить французовъ, но 29 числа опредѣлилось, что французы берутъ направленіе не на Гейльсбергъ, а на Лауцау, и тогда Багратиону приказано выступить противъ непріятеля и боемъ привлечь его къ нашей позиціи. Задача, какъ видно, требующая большого искусства и выдержки, и Багратионъ все это выполняетъ съ полнымъ успѣхомъ. Встрѣтивъ французовъ, онъ вступилъ съ ними въ бой, дѣлая видъ, что препятствуетъ ему на переправѣ черезъ рѣчку, но потомъ онъ начинаетъ медленно отходить, чѣмъ и увлекаетъ за собою французовъ, которые мало-по-малу все устремляются за его слабыми силами. Отходя такимъ образомъ, Багратионъ привелъ за собою французовъ къ нашимъ гл. силамъ и предоставилъ ихъ дѣятельности нашего главнокомандующаго. Государь Императоръ изволилъ выразить ему за все эти дѣйствія Свое особое Монаршее Благоволеніе.

Послѣ этого Багратионъ прикрываетъ отходъ арміи къ Бартештейну. Онъ до утра 31 мая держится у Гейльсберга, давая воз-

возможность арміи нашей продвинуться дальше и, задерживая французовъ на переправѣ черезъ р. Алле, во около 11 ч. дня 31 мая непріятель перебросилъ большія силы черезъ эту рѣчку, и тогда кн. Багратионъ началъ отходить, но, остановившись за дер. Лаутергагенъ, еще на два часа задержалъ противника и уже послѣ сего отошелъ къ Бартенштейну и оттуда присоединился къ арміи у Фридланда, гдѣ снова рѣшено было дать сраженіе.

2-го іюня была битва подъ Фридландомъ. Кн. Багратионъ командуетъ войсками, занимавшими лѣвый флангъ нашей позиціи. Французы противъ этого фланга занимали большими силами лѣсъ, изъ котораго они могли всегда внезапно на насъ обрушиться. Багратионъ рѣшилъ выбить ихъ отсюда. Построивъ свои полки къ атакѣ, онъ ведетъ ихъ на штурмъ, врывается въ лѣсъ и, несмотря на самоотверженное сопротивленіе, овладѣваетъ имъ. Это дало возможность ему имѣть передъ собою болѣе широкій кругозоръ. Непріятель сознавалъ значеніе этой утраты и напрягалъ усилія, чтобы вернуть таковую, но долго имъ не удавалось это осуществить. Наконецъ, сосредоточивъ огромныя силы, они ворвались снова въ лѣсъ, но дальше идти не рѣшались и только лишь въ 7 ч. вечера, собравшись съ новыми силами, они повели дальнѣйшую атаку. Кн. Багратионъ подвергался ежеминутной смертельной опасности, но, по обыкновенію, соблюдалъ полное спокойствіе, руководя боемъ до наступленія темноты.

По окончаніи боя Багратионъ снова прикрываетъ отходъ арміи къ Тильзиту. Почти ежедневно при этомъ у него происходили то бои, то перестрѣлки съ французами: то онъ задерживаетъ ихъ при переправахъ, то прикрываетъ корпусъ пруссаковъ, слѣдующій изъ Кенигсберга и долженствующій пройти черезъ $1\frac{1}{2}$ верстную плотину въ лѣсу Гроссъ-Баушвальдъ, то прикрываетъ переправу нашей арміи черезъ Нѣманъ близъ Тильзита, послѣ чего и самъ съ аррьергардомъ, подъ напоромъ противника, переправляется черезъ эту рѣчку, препятствуя потомъ переправѣ непріятеля.

Вотъ та дѣятельность, которую проявилъ кн. Багратионъ въ войну 1807 года. Всѣ тѣ порученія, которыя на него возлагали, показываютъ сами собой на то выдающееся положеніе, которое онъ занималъ тогда среди прочихъ нашихъ военачальниковъ.

Въ 1808 году была объявлена война со Швеціей. Кн. Багратионъ 9-го февраля 1808 г. принялъ начальство надъ 21 пѣх. дивизіей и во главѣ ея выступилъ въ Тавастгусъ, гдѣ и получилъ приказаніе: слѣдовать къ Біорнборгу и занять побережье Ботническаго залива и Аландскіе острова. Въ теченіе 8 дней войска Багратиона сдѣлали 200 верстъ и дошли до Біорнборга, тѣсня

шведовъ, которые устройствомъ засадъ и уничтоженіемъ переправъ всячески старались задерживать наступленіе войскъ Багратиона. На берегу р. Кумо аррьергардъ непріятеля рѣшилъ вступить въ бой, но Багратионъ артиллерійскимъ огнемъ потѣснилъ шведовъ къ ихъ главнымъ силамъ, занявшимъ уже сильную позицію.

Багратионъ безъ промедленія атакуетъ, сбиваетъ непріятеля съ позиціи и до поздней ночи преслѣдуетъ шведовъ, захвативъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 50 рядовыхъ. Послѣ этого, 6-го марта, безъ боя былъ занятъ Віорисборгъ. Такъ на непріятеля подѣйствовалъ быстрый натискъ русскихъ Багратионовыхъ полковъ — и тутъ уже начинается побѣдоносное шествіе этихъ полковъ: 10 марта занятъ Або, 12 — Христианштадтъ, а 26 — Ваза. Въ то же время былъ посланъ отрядъ на Аландскіе острова, и они были заняты. Такимъ образомъ данная Багратиону задача была рѣшена имъ чрезвычайно быстро. Но все это не понудило шведовъ пойти навстрѣчу желаніямъ и цѣлямъ русскаго Императора, въ силу чего 26 февраля 1809 г. Багратионъ снова выступаетъ въ походъ на Аландскіе острова. Выступивъ означеннаго числа 5-ю колоннами, онъ въ теченіе 4-хъ дней совершаетъ маршъ по льду и 2-го марта доходятъ до цѣли и въ теченіе 3-хъ дней очищаютъ острова отъ войскъ непріятеля. Въ то же время конница Кульнева, преслѣдуя бѣгущихъ съ острововъ шведовъ, заняла часть территоріи на Скандинавскомъ полуостровѣ и послѣ упорнаго боя овладѣла м. Гриссельгамъ. Тогда былъ заключенъ миръ. И снова, при оцѣнкѣ всѣхъ этихъ дѣйствій Багратиона, невольно вспоминаются три завѣтныхъ слова: глазомѣръ, быстрота и натискъ.

За эти дѣйствія Багратионъ былъ пожалованъ чиномъ генерала отъ-инфантеріи и, получивъ въ командованіе Молдавскую армію, вступилъ на этотъ высокій постъ въ августѣ 1809 года.

Прибывъ къ своей арміи, онъ приказалъ продолжать начатую до него блокаду Измаила, но не имѣлъ намѣренія оставаться при этомъ пунктѣ съ главной массой своихъ войскъ. Наоборотъ: главное его намѣреніе заключалось въ быстромъ движеніи за Дунай, дабы путемъ активныхъ дѣйствій достигнуть побѣды. Для этого онъ посылаетъ отряды: ген. Маркова къ Матчиву, а Платова — къ Гирсово, съ цѣлью овладѣнія этими пунктами, закрывавшими ему путь за Дунай. 18-го августа Матчинъ, послѣ непродолжительной блокады, сдался съ гарнизономъ (28 офиц., 3.100 в. чин., 13 пушекъ, знамя и всѣ запасы); такъ же быстро покончено и съ Гирсово, въ которомъ взято 1.000 плѣнныхъ. Багратионъ, получивъ свободный ходъ за Дунай, перенесъ свою гл. квартиру въ Рассевать.

Отсюда онъ двигается къ Тролнову валу 3-ми колоннами, на-

правляя правую къ Черноводамъ, среднюю—къ Карасу, а лѣвую—къ Кустенджи — на берегу Чернаго моря. Узнавъ, что этотъ послѣдній пунктъ сильно занятъ турками, онъ и среднюю колонну направляетъ туда же. Кустенджи былъ сильно укрѣпленъ. Находясь на полуостровѣ и окруженный глубокими рвами и высокими валами, онъ представлялъ значительную твердыню. Въ городѣ было до 500 каменныхъ домовъ, и каждый изъ нихъ могъ служить редюнтомъ. Но турки не использовали всего этого, и когда началась бомбардировка, то они сдались. Такъ же быстро покончилъ Багратионъ съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ отборныхъ войскъ непріятеля, сосредоточеннымъ у С. Рассевата подъ командою Сераскира-Паши, но здѣсь дѣло не обошлось безъ кровопролитія, и непріятель держался очень стойко; но въ концѣ концовъ турки все же были выбиты изъ Рассевата и въ теченіе 8 часовъ преслѣдованы конницею. Тутъ взято: много знаменъ, 14 пушекъ и 1.000 плѣнныхъ; убитыми и ранеными турки потеряли до 4.000 человекъ. Это было 4-го сентября.

10-го сентября Багратионъ начинаетъ блокаду Силистріи, не прекращая въ то же время активныхъ дѣйствій. Войска его одерживаютъ рядъ побѣдъ: подъ Каларашемъ, Монгаліей, Коварны, Варною, Базарджикомъ и Рушукомъ. Въ этотъ же періодъ времени палъ и Измаилъ.

Закончилъ Багратионъ свои дѣйствія въ 1809 году тѣмъ, что у дер. Татарницъ—10 окт. нанесъ пораженіе Алепискому 3-хъ бунчукному пашѣ, который былъ посланъ противъ Багратиона великимъ визиремъ. Такъ же, какъ и подъ Рассеватомъ, турки и здѣсь выказали стойкость въ сопротивленіи, но побѣда все же осталась за Багратиономъ. На долю русскихъ достались снова значительные трофеи.

Наступившая зима прекратила военныя дѣйствія, но въ сущности говоря 2½ мѣсячный періодъ, въ теченіе котораго они производились, очень малъ для того, чтобы возможно было сдѣлать такъ много, какъ сдѣлалъ Багратионъ со своими славными войсками, которыя, какъ видно, получили орлиныя крылья, съ прибытіемъ въ ихъ станъ новаго вождя.

Наступилъ 1812 годъ, когда мы видимъ кн. Багратиона на отвѣтственномъ посту командующаго 2-й арміей. Онъ былъ еще далеко не старъ къ этому времени и имѣлъ только 47 лѣтъ. Постоянные походы и битвы шлошѣ подготовили его къ той важной роли, которую судьба приготовила для него во время отечественной войны, но онъ бралъ на себя эту трудную задачу со спокойной совѣстью, такъ какъ закрѣпилъ за собою это высокое положеніе

въ той „школѣ“, полной трудовъ и лишеній, учиться въ которой приходится далеко не каждому военному и тѣмъ болѣе—учиться такъ продолжительно и успѣшно, какъ это довелось кн. Багратиону. Въ школѣ этой пули, ядра, бомбы и картечи читаютъ ученикамъ свои проникновенныя лекціи и къ ея „дверямъ“ нужно подходить съ пламенной молитвой. Кому же, какъ не ему—талантливѣйшему изъ учениковъ этой „школы“ и тонкому знатоку и ловцу душъ человѣческихъ было стоять во главѣ одной изъ нашихъ армій, готовыхъ оказать сопротивленіе нашествію враговъ.

Въ арміи князя Багратиона передъ началомъ войны 1812 г. было 58 б—новъ, 52 эскадрона, 216 орудій и 9 казачьихъ полковъ, что составляло 48 т. человѣкъ. Въ составъ арміи входили слѣдующія части войскъ: 7-й корпусъ—Раевского: 26 дивизія Паскевича, 12-я Колюбакина и Ахтырскіе гусары; 8-й корпусъ Бороздина: 2-я гренад. дивизія—принца Мекленбургскаго, сводная гренад. дивизія гр. Воронцова и 2-я кирасирская дивизія Киоринга; 4-й кавалерійскій корпусъ графа Сиверса, въ составъ котораго входили: Харьковскій, Черниговскій, Кіевскій и Новороссійскій драгунскіе и Литовскій уланскій полкъ; въ составъ же этого корпуса входила и вновь сформированная 27-я дивизія Невѣровскаго, которая была на маршѣ изъ Москвы. Кромѣ того въ составъ 2-й арміи входили 9 каз. полковъ Платова.

Въ то время, какъ наша 1-я армія, насчитывающая въ своихъ рядахъ 127 т. человѣкъ и 558 орудій, была раскинута на С. и Ю. отъ Вильны на фронтѣ 200 съ небольшимъ верстъ и въ глубинѣ до 120 в., кн. Багратионъ съ арміею своею занималъ фронтъ 50 в. (если не считать казаковъ Платова) и армія его была расположена такъ: 8-й корп.—у Волковыска, 7-й—у Н. Двора и 4-й—у Зельвы. Платовъ стоялъ у Гродно. Наполеонъ въ это время находился въ Дрезденѣ; армія его была разбросана отъ Кенягсберга до Люблина—и все, повидимому, благопріятствовало нашему противнику: огромная армія, гордая своими побѣдами и вѣрящая въ счастливую звѣзду и мудрость своего руководителя; опытные въ своемъ дѣлѣ маршалы, составившіе славу себѣ въ безчисленныхъ бояхъ, и наконецъ стоящій во главѣ этой арміи вождь, достигшій необычайной для обыкновеннаго смертнаго высоты своего положенія. И вся эта масса непріятельскихъ войскъ готова была наводнить страну, въ которой жилъ невѣдомый ей народъ, тепло, — безъ паюса и рисовки любящій свою родину и готовый пожертвовать многимъ для того, чтобы она, съ ея проникнутыми тихой грустью полями, съ дремучими лѣсами, съ многоводными и тихо катящими свои струи рѣками и пріютившимися среди тишины и простора деревеньками и

усадебными, — не досталась бы въ руки непріятеля. Войны этой страны, не менѣ закаленные въ бояхъ, нежели войны врага, уступали значительно ему въ своей численности, но вожди этихъ воиновъ были искусны и опыты въ своемъ дѣлѣ.

Въ то время, какъ у Наполеона близъ нашей границы было сосредоточено около 500 т. человекъ, мы въ своихъ рядахъ насчитывали не болѣе 218 т. бойцовъ, считая въ томъ числѣ и 3-ю армию Торماسова, числящую въ своихъ рядахъ до 45 т., и корпусъ Эртеля 9.500 чел., которые не могли принять прямого участія въ сопротивленіи врагу. Слѣдовательно, почти передъ 500 тысячной арміей непріятеля мы имѣли всего только около 165 т. Но этого еще мало: въ тылу у Наполеона — огромные резервы, которые онъ въ случаѣ надобности можетъ притянуть къ арміи; цѣлыхъ два корпуса Виктора и Ожеро стоятъ на Вислѣ и въ Берлинѣ; изъ Франціи и другихъ подвластныхъ странъ спѣшатъ маршевые батальоны, горящіе желаніемъ снискать себѣ побѣдоносныя лавры надъ врагомъ, гибель котораго въ ихъ отуманенныхъ очахъ неизбѣжна. За свой тылъ Наполеону, повидимому, не приходилось особенно опасаться, ибо все, что пройдено имъ, — все было имъ же и загнипотизировано, и всѣ подвластные ему народы какъ будто и не скорбѣли объ утратѣ своей политической личности. Они ликовали вмѣстѣ съ нимъ при успѣхѣхъ и быть можетъ стали бы грустить при неудачѣ. При наличности всего этого можно было и не оглядываться назадъ, а наводнить непокоренную еще страну своими полчищами, и тогда она будетъ, конечно, униженно молить его о пощадѣ. Въ противоположность непріятелю, въ тылу нашихъ армій на сотни верстъ не стояло ни одного вооруженнаго воина, и тѣ защитники, которыхъ готовила тогда Русь въ помощь своей арміи, — находясь далеко-далеко за лѣсами и болотами, и они не были еще обучены, такъ какъ ихъ только что взяли отъ сохи и призвали къ великому дѣлу — постоять за Вѣру, Царя и Отечество. Вотъ то положеніе, въ которомъ была Россія передъ началомъ великаго испытанія.

Наведя мосты черезъ Нѣманъ у Ковно, Наполеонъ 12 іюня, во главѣ 250 т., перешелъ черезъ рѣку и занялъ никѣмъ не защищаемый городъ. 16-го числа передовыя части его арміи уже атаковали арьергардъ корпуса Тучкова 1-го, который отошелъ на правый берегъ Види, направляясь къ Свенцьямъ, въ окрестности которыхъ стягивалась 1-я армія. Въ тотъ же день Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Вильно, гдѣ и встрѣченъ былъ ликующимъ польскимъ населеніемъ города, хотя жителямъ сель и деревень всего явонденнаго войсками непріятеля пространства между Нѣ-

маномъ и Виліей,—едва-ли проходило ликовать, такъ какъ дома ихъ были разорены, поля потоптаны, и сами они начали уже искать спасенія въ лѣсахъ и дебряхъ.

Занятіемъ Вильно Наполеонъ разобщилъ наши 1-ю и 2-ю арміи, и такимъ образомъ съ этого времени задача, выпавшая на долю кн. Багратіона, изолированнаго со своею малочисленною арміею отъ главныхъ нашихъ силъ, становится очень не легкою. Какъ извѣстно: 1-я армія, сосредоточившись у Свенцявъ, пошла отсюда не по минской дорогѣ, двигаясь по которой, она сближалась бы со 2-ю арміею, а—въ совершенно противоположномъ направленіи и 27 іюня сосредоточилась въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы, и такимъ образомъ разстояніе между арміями достигло 300 верстъ, считая по прямому направленію.

Во время переправы французовъ черезъ Нѣманъ армія кн. Багратіона находилась у Волковыска. Силы противника, направшаго на эту армію съ разныхъ сторонъ, были очень велики и въ то время, какъ у Багратіона было только около 50 т., французы могли насчитывать у себя до 240.000. И дѣйствительно: изъ Вильно по направленію Ошмяны—Минскъ устремился съ 50 т. Даву; оттуда же съ корпусами Сентъ-Сира и Груши потянулся вице-король Италійскій съ 80 т. Уже эти войска значительно превышали численность 2-й арміи. Но этимъ еще не исчерпывались силы непріятеля. Со стороны Гродно король Вестфальскій ведетъ корпуса Понятовскаго, Вандама, Латуръ-Мабура и Ревье—въ общей сложности—до 80 т. и наконецъ съ Ю.-З на Волковыскъ устремляется 30-тысячный корпусъ Шварценберга съ цѣлю—либо атаковать Багратіона, либо изолировать его отъ 3-й арміи Торماسова. Вотъ то положеніе, въ которое былъ поставленъ кн. Багратіонъ въ самомъ печалѣ кампаніи,—положеніе, изъ котораго, повидимому, выходъ одинъ:—это отходить скорѣе на востокъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ искать возможности соединиться гдѣ-либо съ 1-ю арміею, тѣмъ болѣе, что въ этомъ соединеніи видѣли залогъ успѣха, какъ Государь, такъ и Россія. Всѣ взоры въ это время были обращены главнымъ образомъ на 2-ю армію и ея вождя, и много теплыхъ молитвъ несло къ Создателю о томъ, чтобы Онъ послалъ помощь Свою войскамъ въ столь трудномъ положеніи.

Завѣты Суворова прочно укоренились въ душѣ кн. Багратіона, и вотъ о чемъ помышляетъ онъ въ это тяжкое для него время. Не о движеніи назадъ и поспѣшной ретирадѣ думаетъ онъ, а наоборотъ: о быстромъ наступленіи. Онъ пишетъ в. министру: „Если благоугодно будетъ Его Императорскому Величеству сдѣлать диверсію, по сердечнымъ чувствамъ и по духу извѣстнаго мнѣ

войнства російскаго выгоднѣйшую, которая имѣть будетъ особое вліяніе на всю Польшу и на движеніе союзныхъ армій непріятельскихъ, то я прошу разрѣшенія, чтобы съ корпусомъ Платова и арміею, мнѣ ввѣренною, позволено было идти черезъ Бѣлостокъ и Остроленку въ Варшаву. Поражая и истребляя непріятеля, въ сихъ мѣстахъ противъ меня расположеннаго, если наконецъ я найду себя въ необходимости отъ превосходнѣйшаго несравненно въ силахъ отступать и разумѣется уже не къ Борисову, то еще буду имѣть время воспользоваться симъ черезъ Брестъ-Литовскій и соединиться съ Тормасовымъ, который долженъ идти къ Бресту, чтобы совокупно отразить силы непріятельскія подъ командою кн. Шварценберга и другихъ начальниковъ польскихъ тамъ состоящія (Михайл.-Данилевскій). Вотъ какъ намѣревался поступить кн. Багратионъ „въ духѣ войнства російскаго“. Предложеніе это осталось безъ отвѣта, и мы не въ правѣ касаться его стратегической стороны, но упомянули о немъ, дабы освѣтить его духъ и тѣмъ обрисовать красоту души одного изъ славныхъ вождей русской арміи.

Исполняя полученную отъ Государя директиву о настоятельномъ соединеніи 2-й арміи съ 1-й, кн. Багратионъ 17-го іюня начинаетъ маршъ на Слонимъ и оттуда сворачиваетъ на Новогрудскъ, намѣреваясь, какъ и было ему вторично указано Императоромъ,—черезъ Вилейву идти къ 1-й арміи. Онъ знаетъ, что на этомъ пути встрѣтять большія силы французовъ, которые всю энергію будутъ направлять къ тому, чтобы не только не допустить этого соединенія, но и разбить 2-ю нашу армію, но онъ идетъ, надѣясь на духъ войнства російскаго и на помощь Божію въ столь трудномъ своемъ положеніи. Духъ бодрости и надежда на успѣхъ видимо не покидали кн. Багратиона, и онъ пишетъ Государю: „Опредѣлите точно времени соединенія съ 1-й арміею не смѣю, но велику удостовѣренъ, что непріятель будетъ преграждать путь и безпокоить войска на походѣ толикаго пространства, но по мѣрѣ силъ 2-й арміи и всеподданнѣйшаго усердія, слѣдовать по мановеніямъ Монаршимъ отражая враговъ, поспѣшу въ точности исполнить волю Вашего Императорскаго Величества“.

Отправивъ лишніе обозы и больныхъ въ Бобруйскъ, онъ усиленными переходами стремится къ д. Николаеву на Нѣманѣ, гдѣ намѣревается устроить переправу черезъ эту рѣку. 22-го іюня, пройдя безъ дневокъ 150 верстъ, онъ достигаетъ этого пункта и начинаетъ переправлять армію. Характеренъ приказъ по арміи, отданный приблизительно въ это время: „Непріятель сѣшится къ гор. Минску; сѣшимъ и мы, гдѣ ихъ настатнемъ, атаковать храбро,

быстро; стрѣльбою не заниматься: артиллерія бить мѣтко; иррегулярнымъ войскамъ стараться окружить ихъ флангъ в тылъ. Сіе имъ способно; только должно мастерски поступать. Регулярная кавалерія атакуетъ быстро, но весьма стройно, не рассыпаясь никакъ. Эскадроны должны въ атакъ другъ друга поддерживать, имѣя резервы и фланги прикрытыми. Кавалерія должна быть расположена по шахматному. Рекомендую г.г. шефамъ полковъ, чтобы люди для унесенія раненыхъ изъ фронта отнюдь не выходили: на сіе наряжена будетъ особая команда. Во время стрѣльбы какъ можно высылать менѣе стрѣлковъ, развѣ по флангамъ будутъ лѣса, тогда засаду сдѣлать. Корпуснымъ командирамъ стараться и все вниманіе обратить на то, чтобы непріятеля поражать штыками въ колоннахъ и наступать на него, коль скоро будетъ опрокинуть. Конная артиллерія должна дѣйствовать сильно, равно и кавалерія, но весьма стройно; безъ малѣйшаго замѣшательства: сіе весьма нужно въ томъ случаѣ, ежели непріятель будетъ имѣть сильныя резервы, чѣмъ можетъ онъ привести въ разстройку наступающихъ, и для того намъ стараться имѣть войска въ колоннахъ и въ готовности; а какъ всё обратятся въ бѣгство, тогда сильно колотъ казакамъ, а регулярнымъ поддерживать сомкнуто и весьма стройно. Армію въ боевой порядокъ выстраивать не тѣсно, а такъ, чтобы локтями только могли трогать товарища. Сіе нужно для свободнаго заряжанія ружей. Когда непріятельская кавалерія нападетъ на пѣхоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во всѣ стороны, или батальонъ каре. Всѣ атаки дѣлать съ крикомъ, а особливо казакамъ; во время наступленія барабаны бьютъ скорый походъ, а музыка играетъ.

Артиллеріи генералу предписываю избрать и опредѣлить къ пушкамъ мѣста для вѣрнаго дѣйствія; его обязанность—исправлять ихъ благоразумно и во время сраженія увѣдомлять всѣхъ подчиненныхъ своихъ—гдѣ онъ находится будетъ, чтобы всѣ знали, ибо сіе нужно. Генераль артил. долженъ быть въ срединѣ между первой и второй линіей.

Я увѣренъ въ храбрости вѣречной мнѣ арміи. Г.г. начальники войскъ вселить въ солдатъ, что всѣ войска непріятеля не что иное, какъ сволочь со всего свѣта: мы же—русскіе и единовѣрные. Они храбро драться не могутъ, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него—пуля мимо; подойди къ нему—онъ побѣжитъ, пѣхота коли, кавалерія руби и топчи. Г.г. офицеры наши всему свѣту доказали храбрость, преданность, ревность и послушаніе. 30 лѣтъ моей службы, и 30 лѣтъ какъ я враговъ побѣждаю черезъ вашу храбрость. Я всегда съ вами и вы со мною". (Дѣянія

россійск. полков. и генер. изд. 1822 г. Кіевск. отд. Импер. Русск. В.-Истор. общества).

Въ этомъ приказѣ вся тактика Багратиона, въ виду чего мы и привели его.

Итакъ 2-я армія начала переправляться черезъ Пѣманъ у Николаева.

Когда переправилась уже половина арміи, то Багратионъ узналъ о томъ, что какъ въ тылу у него, такъ и на лѣвомъ флангѣ—французы. И дѣйствительно: Вестф. король занялъ уже Слонимъ, а вице-король былъ съ лѣвой стороны, впереди же по-прежнему былъ Даву. При этой обстановкѣ стремиться къ 1-й арміи по избранному пути было немыслимо, и Багратионъ 23 іюня поворачиваетъ на Н. Свѣржень, полагая отсюда пройти на Минскъ и далѣе—къ 1-й арміи. Но было уже поздно: въ Мирѣ онъ узналъ, что французы уже у Минска, и тогда Багратионъ рѣшаетъ идти на Бобруйскъ и далѣе на Могилевъ, стремясь черезъ эти пункты присоединиться къ 1-й арміи. 26 іюня, въ день прибытія Государя въ Дрисскій лагерь, онъ прибываетъ въ Несвяжъ, дабы, послѣ отдыха, продолжать маршъ. Всѣ эти неудачи и, главнымъ образомъ, недовольство Государя за то, что не были выполнены его директивы,—омрачали душу Багратиона. Свое недовольствіе Государь высказалъ князю въ собственноручномъ письмѣ, въ которомъ онъ снова приказываетъ ему идти на Минскъ, говоря, что 50 т. русскихъ всегда осилить превосходящаго ихъ численно непріятеля. Много нужно было имѣть мужества, чтобы, не взирая на эти слова Государя, а также и на то, что въ письмѣ этомъ Его Величество прямо высказалъ увѣренность въ томъ, что въ скоромъ времени ожидается сраженіе, и что въ виду этого прибытіе 2-й арміи пріобрѣтаетъ еще большія важность и значеніе, все же продолжать преслѣдовать цѣль сохраненія арміи и ради ея величія поставить, быть можетъ, крестъ надъ всѣмъ своимъ блестящимъ прошлымъ. Получая всѣ эти невыполнимыя на дѣлѣ директивы, кн. Багратионъ имѣлъ въ виду основную директиву: — по возможности избѣгать рѣшительнаго сраженія, дабы сохранить армію, и эта директива была объявлена ему какъ военнымъ министромъ, такъ равно и была подсказана ему его же душою глубоко понимающей смыслъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ маршей и промедленій. Будь тогда противъ него одинъ только 50 тысячный корпусъ Даву, онъ пошелъ бы противъ него безъ колебаній, но когда съ трехъ сторонъ были французскія полчища въ подавляющихъ силахъ, нужно было думать только лишь объ осторожности и о тѣхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, кои получились бы при несоблюденіи таковой.

„Вся цѣль моей жизни, доносить къ Багратионъ Государю: состоитъ въ одномъ желаніи имѣть счастье быть угоднымъ Вашему Величеству; сберегая вѣранныхъ мнѣ защитниковъ отечества, и не пожалѣю собственно себя ни въ какомъ случаѣ, чтобы усугубить славу Россійскаго воинства“ (Михайл.-Данил.). Твердо увѣренный въ правотѣ своей, онъ форсируетъ маршъ на Бобруйскъ и 1 іюля въ Слуцкѣ — въ 150 верст. отъ Бобруйска узнаетъ, что непріятель уже въ Свислочи — всего только въ 40 в. отъ этого города. Онъ выдвигаетъ впередъ корпусъ Раевского съ кавалерійскими полками и приказываетъ ему атаковать французовъ въ Бобруйскѣ, съ тѣмъ, чтобы штыками пробить арміи дорогу. Тогда же онъ доноситъ Государю о томъ, что охотно бы атаковалъ короля Вестф. и, разбивъ его, разбилъ бы потомъ и Даву, да не увѣренъ въ томъ, что король приметъ атаку и не уйдетъ назадъ, съ цѣлью — отвлечь его отъ главной цѣли — скорѣйшаго соединенія армій. Все такимъ образомъ препятствовало проявленію имъ активности въ своихъ дѣйствіяхъ, — той активности, при посредствѣ которой онъ одержалъ такъ много побѣдъ въ теченіе своей долголѣтней службы и внесъ въ исторію Россіи не мало блестящихъ и славныхъ страницъ. Тѣмъ не менѣе въ верстахъ въ 20 отъ Слуцка — у дер. Романовой наноситъ сильный ударъ корпусу короля Вестф., забираетъ въ плѣнъ 16 офиц. и 300 н. чин. и этимъ такъ дѣйствуетъ на непріятеля, что у него отпадаетъ уже охота — слѣдовать по пятамъ нашей арміи, и такимъ образомъ Багратионъ освобождаетъ армію отъ давленія на нее съ одной изъ сторонъ. 6-го іюля Багратионъ прибылъ въ Бобруйскъ и отсюда пошелъ на Могилевъ. Даву въ это время былъ всего только въ одномъ переходѣ отъ Могилева, о чемъ Багратионъ и узналъ, когда выступилъ изъ Бобруйска. 8-го числа Могилевъ былъ уже занятъ авангардомъ корпуса Даву, о чемъ также стало извѣстно Багратиону еще въ значительномъ разстояніи отъ Могилева. Тогда же стало извѣстно и о томъ, что непріятель уже тѣснитъ изъ Могилева бывшіе тамъ три слабыхъ нашихъ батальона. Полковникъ Сысоевъ съ 1.000 казаками подошелъ къ нимъ на помощь, погналъ французовъ, захватилъ 8 офицеровъ и 200 н. чиновъ въ плѣнъ и на плечахъ бѣглецовъ едва не ворвался въ городъ. Эпизодъ, обрисовывающій духъ войскъ Багратиона.

Несмотря на всѣ эти вѣсти, Багратионъ все же рѣшился пробыть у Могилева, и 11 іюля провѣдываетъ кровопролитный бой у дер. Салтыковки, въ которомъ принимаютъ участіе наши 12 и 26 дивизіи. Войска Даву были уже очень многочисленны и занимали сильную позицію за ручьемъ, переправу черезъ который приходилось форсировать подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ.

Нѣсколько разъ полки наши сбѣливались съ французами въ штыки, но не могли сдвинуть съ мѣста многочисленнаго непріятеля. Предпринимались обходы противъ праваго фланга противника, обходы—рискованные, но все это не привело къ успѣху—и убѣдило Багратиона только въ томъ, что силы французовъ очень велики.

Потерявъ въ этомъ бою до 2.000 человекъ, Багратионъ, не преслѣдуемый французами, отошелъ къ Дашковѣ. Непритель понесъ также большія потери, т. е. подъ раневыхъ въ городъ были заняты присутствен. мѣста и всѣ лучшіе дома. Повидимому, и духъ французовъ былъ поколебленъ, иначе Даву не далъ бы возможности простоять русскимъ 12 іюля у Дашковки совершенно не тревожимыми, а также не позволялъ бы имъ уйти отсюда и не преслѣдвать даже того направленія, по которому они ушли. Словомъ, Даву потерялъ изъ вида нашу 2 армію, и это можно объяснить тѣмъ, что онъ, боясь повторенія атаки, принялъ мѣры къ болѣе прочной оборонѣ и благодаря этому 5 дней простоялъ неподвижно въ Могилевѣ. Вотъ какое важное значеніе имѣлъ бой у Салтыковки. Если бы этотъ бой былъ разыгранъ Багратиономъ вяло и нерѣшительно, то Даву, убѣдившись въ томъ, что имѣетъ дѣло со слабымъ духомъ противникомъ, самъ бы перешелъ въ наступленіе, но такъ какъ войска Багратиона не привыкли къ вялымъ атакамъ, даже и при наличности превосходства силъ противника, то все это и привело французовъ къ пассивности, благодаря которой арміи наши соединились подъ Смоленскомъ.

Выступивъ 13 іюля изъ Дашковки, Багратионъ 17 былъ въ Мстиславлѣ, сдѣлавъ въ 5 дней 200 верстъ. О подобной форсировкѣ марша въ наше время какъ будто даже и не слышно.

22 іюля Багратионъ привелъ свою армію въ Смоленскъ и тутъ, несмотря на то, что онъ былъ старше Барклая по службѣ, все же онъ добровольно подчинился ему, сознавая, что онъ не достаточно освѣдомленъ въ общемъ ходѣ дѣйствій. Кто не оцѣнитъ этого поступка, говорящаго о величій души нашего славнаго вождя.

При оборонѣ Смоленска, судьба не дала возможности кн. Багратиону принять въ этомъ участія, и его имя не стоитъ рядомъ съ Невѣровскимъ, Ревскимъ, Дохтуровымъ, Коновницкимъ и Тучковымъ, обезсмертившими себя въ этомъ кровавомъ бою подвигами, за которые должна благодарить ихъ Россія. Здѣсь—подъ Смоленскомъ арміи наши совершали марши на Рудню и на Порѣцкую дорогу, т. е. главнокомандующій и штабъ его были увѣрены въ томъ, что Наполеонъ пойдетъ на Смоленскъ именно съ этой стороны. Не раздѣлялъ только этого мнѣнія одинъ кн. Багратионъ, убѣжденный

въ томъ, что непріятель пойдетъ къ Смоленску черезъ Красный, дабы отбросить нашу армію къ С. Событія показали, на сколько правъ былъ Багратионъ, и повидимому въ данномъ случаѣ онъ проявилъ именно тотъ „главомѣръ“, которому онъ научился путемъ долголѣтней практики.

Въ день битвы подъ Смоленскомъ армія Багратиона пошла по Московской дорогѣ, выполняя данную ей задачу, и ей только подъ Бородиномъ пришлось сойтись съ непріателемъ. Но здѣсь же этой арміи пришлось навсегда проститься со своимъ вождемъ, смерть котораго, какъ смерти многихъ героевъ, положили животы свои въ этой великой бранн, оплакивалась русскими людьми.

24-го августа послѣ полудня началось жаркое дѣло подъ Шевардиномъ. Кутузовъ выдвинулъ въ этотъ пунктъ войска изъ состава арміи Багратиона. Тутъ были 27 дивизіи, была гренандеры, егеря, драгуны и 2-я кирасирская дивизія.

Неоконченный редутъ, съ 12 батарейными орудіями, занималъ собою высоту къ югу отъ Шевардина. Пѣхота расположилась по обѣ его стороны, занявъ на правомъ флангѣ д. Шевардино, а на лѣвомъ—лѣсъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено кн. Горчакову, но повидимому—кн. Багратионъ принималъ также дѣятельное участіе въ этомъ бою. Михайловскій-Данилевскій пишетъ, что онъ все время былъ въ огнѣ, а разъ это такъ, то слѣдовательно не въ качествѣ только зрителя онъ былъ на боевомъ полѣ.

Войска наша въ полной боевой готовности поджидали французовъ, но до полудня ихъ не было видно. День былъ ясный, и поля, роши и луга были проникнуты той тишиной, которая бываетъ обыкновенно передъ наступленіемъ свѣлой грозы. Лучи солнца привѣтливо освѣщали тихіе пригорки, неподвижные, и какъ бы застывшіе въ напряженномъ ожиданіи лѣса, начавшіе уже мѣнять свой зеленый покровъ на ярко-желтый и оранжевый, и безлюдныя, уснувшія деревни. И несмотря на ласку и привѣтъ, посылаемые солнцемъ землѣ, все же какъ бы тяжелая дума надвинулась на чело природы. Вираво, въ глубокомъ логу, тихо шептала свою вѣчную сказку р. Колоча; за нею видны были пригорки, поля и лѣса, среди которыхъ пролегалла дорога на Москву. И вотъ туда и были теперь устремлены взоры тѣхъ людей, которыхъ привели сюда для встрѣчи непріятеля.

Въ тылу верстахъ въ 2—3 видно было, какъ за ручьемъ копошилось и двигалось множество людей. Тамъ и сямъ вспыхивали яркіе отблески отъ штыковъ; видно было, какъ люди усиленно копали землю, суетясь въ этихъ мѣстахъ, какъ муравьи надъ сооруженіемъ муравейника; доносились оттуда громыханія колесъ,

и видны были колонны войскъ, двигающіяся въ разныхъ направленихъ. Люди уже утомились ожиданіемъ; она только изрѣдка перебрасывались между собою немногочисленными словами, но вотъ въ полдень на дорогѣ показались конные фланкеры французовъ, за ними появились небольшія сомкнутыя части, и вскорѣ густыя колонны непріателя загрузили собою дорогу и мѣстность по сторонамъ ея. Надъ дорогой, сопровождая войска, поднимались къ небу густыя облака пыли, мѣстами совершенно скрывавшія идущихъ въ нихъ людей—и эти пыльные столбы тянулись отъ самаго горизонта надъ пританишими дыханіе лѣсами и полями. „Храпцувъ валомъ валить“, говорили солдаты, и сердце у каждого начало биться быстрѣе. Влѣво надъ лѣсомъ показались такіе же пыльные столбы—это корпусъ Понятовскаго, свернувъ со ст. Московск. дороги, шелъ на Шевардино. Дойдя до дер. Фомкино и Валуево, колонны начали сворачивать къ Колочѣ, устремляясь также къ Шевардину. Войска наши стали „изъ ружье“; артиллеристы нарядили свои пушки. Головы колоннъ спустились въ оврагъ Колочя. Гроза надвигалась, и предшествующая ей тишина еще болѣе усилилась—и вдругъ эта тишина нарушилась: Та-хъ, та-хъ; та-хъ-та-хъ-та-хъ послышалось изъ лѣса влѣво—и казалось, что тамъ дровосѣки начали рубить дрова; съ каждой секундой число этихъ „дровосѣковъ“ увеличивалось и вскорѣ „топоры“ ихъ застучали такъ часто, что лѣсъ трипло застоналъ, и этотъ стонъ, сливаясь съ ударами „топоровъ“, соединился въ одинъ звукъ—протяжный и печальный, и можно было подумать, что „дровосѣки“ уже перестали рубить и падаютъ съ болѣзненнымъ храпомъ и стономъ деревья. Со стороны Колочя слышались ружейные выстрѣлы, и здѣсь эти выстрѣлы не напоминали удары топоровъ въ лѣсу. Въ теченіе часа продолжалась эта перестрѣлка, и наконецъ люди, которые стрѣляли, ушли, но нѣкоторые изъ нихъ остались и продолжали лежать неподвижно, какъ бы отыскивая что то утерянное и очень имъ нужное.

А французы все шли и шли. Ихъ батареи уже переправились черезъ Колочу и открыли огонь. Теперь уже не удары топоровъ раздавались со стороны лѣса, а нѣчто болѣе внушительное. Бумъ-бумъ, ударялъ кто-то въ огромный барабанъ и х-р-р,-х-р-р, несло въ лѣса старческимъ болѣзненнымъ кашлемъ; бумъ-бумъ; бумъ-бумъ-бумъ, билъ барабанщикъ и х-р-р,-х-р-р; х-р-р,-х-р-р,-х-р-р, кашлялъ больной великанъ-старикъ гдѣ-то далеко—въ вѣдрахъ лѣса, но вскорѣ и эти звуки утратили свою правильную послѣдовательность: „барабанщикъ“ началъ бить часто и безтолково, а старикъ захрипѣлъ непрерывно, какъ хрипеть чахоточный въ часы предсмертной агоніи. Ядра, рикошетируя и сердито фурча, начали

произывать воздухъ, рыть землю и жмичаться въ живое тѣло. Нѣкоторые изъ нихъ рвались, и тогда стонали и сатанински хохотали разлетающійся чугуны. Большинство изъ нихъ били въ реду, за валами котораго люди торопливо баянили, заряжали и наводили. Пушки безпрестанно отпрыгивали назадъ, и тогда стоящіе у каждой изъ нихъ люди бросались къ нимъ съ такимъ видомъ, какъ бросаются къ желающему убѣжать челоуѣку, котораго нужно удержать и которому въ такомъ случаѣ обыкновенно говорятъ: „постой, голубчикъ, не уйдешь отсюда“, и водворенная на свое мѣсто пушка терпѣливо ждала, пока люди, суется, прочищали ей глотку мокрой щетной банника, потомъ забивали туда все необходимое, наводили ее и, отскочивъ немного въ стороны, прикладывали къ ней курящійся пальникъ; тогда пушка снова рывкала и, отпрыгивая, выпускала изъ своей глотки густое бѣлое облако, которое крутилось и вертѣлось въ разныхъ направленіяхъ. Иной разъ впереди этого облака появлялось совершенно правильное дымное кольцо, которое вращалось съ необыкновенной быстротой всей своей поверхностью вокругъ средней своей кольцевой линіи, и отъ этого вращенія слышенъ былъ легкій свистъ. Кольцо плавно подвигалось впередъ, а дымное облако, какъ бы нехотя, тихо начинало двигаться, и чудилось, что ему, получившему свободу, очень бы хотѣлось остаться тутъ и посмотреть на то, что дѣлаютъ всѣ эти, замѣчательныя имъ только сейчасъ, странныя существа, но его осторожно толкала какая-то сила, какъ бы говоря ему: „ступай, ступай: нечего тебѣ тутъ дѣлать“.

Завизжала картечь, потому что французы были уже близко. Видно было, какъ десятками падали люди, и уцѣлѣвшіе смыкались и продолжали валомъ валить впередъ. Батарея уже вся въ дыму, квозь который мелькаютъ суется у орудій солдаты. Вотъ уже можно различить лица непріятельскихъ солдатъ, съ выраженіемъ не то ужаса, не то злобы и напряженной рѣшимости;—и вдругъ всѣ они сразу застонали и, напрягая послѣднія усилія, ринулись на батарею. Замелькали штыки, приклады и банники. Люди начали бить другъ друга съ ожесточеніемъ, не разбирая куда бьютъ, и скоро тѣ, которые стремились на батарею, перебили и переколодили тѣхъ, которые стрѣляли въ нихъ картечью и больше не кого имъ было убивать, и она, не зная, что имъ дѣлать, какъ пьяные, металась среди занятыхъ ими развалинъ, спотыкаясь о мертвецовъ и скользя и падая въ лужахъ еще не остывшей крови. Они, быть можетъ, въ своемъ опьяненіи и не замѣтили того, что противъ нихъ идутъ густыя массы другихъ людей, спѣшащихъ отомстить

за павшихъ товарищей. И дѣйствительно шли наши гренадеры съ полковыми священниками впереди.

Багратионъ пустилъ своихъ львовъ впередъ еще тогда, когда колонны французовъ шли на батарею, но они за дальностью разстоянія не подоспѣли къ тому моменту, когда непріятель пустилъ въ ходъ свои штыки и приклады, и вотъ теперь они стремительно дошли на батарею съ полной вѣрой въ свою силу. Они были Багратионовы питомцы, и онъ, напутствуя ихъ въ бой, навѣрно сказалъ имъ: „выручай, братья, товарищей“, или что-нибудь въ этомъ родѣ—простое и краткое, что загло душу каждаго изъ нихъ. Если бы у нихъ были орлиныя крылья,—но и безъ нихъ они дойдутъ... вотъ-вотъ уже близко... А-а-а-а,—застонали гренадеры, а-а-а—застонали имъ въ отвѣтъ чуждые имъ люди, бывшіе на батарее, и такой же стонъ присоединился къ какофоніи звуковъ отъ массы новыхъ людей, съ чужими намъ лицами, стремившихся сюда же со стороны непріятеля. Начался ожесточенный рукопашный бой, во время котораго люди искренно ненавидѣли другъ друга,—бой длительный и упорный, въ которомъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла признать себя слабою, но въ концѣ концовъ нашъ штыкъ восторжествовалъ, и французы побѣжали. Теперь уже на ихъ лицахъ выразался ужасъ, и они бѣжали съ единственнымъ желаніемъ уйти какъ можно дальше отъ этого страшнаго мѣста. Въ концѣ концовъ ихъ героизмъ не привелъ ни къ чему: наши войска остались на своихъ позиціяхъ, не уступивъ непріятелю ни пяди изъ занимаемаго мѣста.

Настала тихая ночь. Все снова притаилось подобно тому, какъ это было и днемъ, когда ожидали непріятеля, но теперь жутко было среди этой тишины. Въ каждомъ шорохѣ тревожно настроенные нервы слышали приближеніе врага. Около полуночи на правомъ нашемъ флангѣ люди услышали шумъ, какъ бы отъ движенія большой массы войскъ. Въ это же время на сторонѣ непріятеля запылали стога сѣна, и тогда въ свѣтѣ пожара ясно обнаружилась идущая въ атаку большая колонна. Пожаръ скоро былъ потушенъ, но онъ принесъ намъ пользу. Посланная навстрѣчу французамъ 27 дивизія и кирасиры прогнали ихъ и захватили у нихъ 5 пушекъ. Послѣ этого главнокомандующій приказалъ отвести войска отъ Шевардина на главную позицію.

Такъ дрались въ этотъ день Багратионовы полки. Самъ онъ былъ съ ними и своимъ присутствіемъ воодушевлялъ ихъ. Смерть пощадилъ его въ этотъ кровопролитный день, но близокъ былъ его великій часъ, какъ и близокъ былъ тотъ историческій день, котораго съ теплою молитвой ждала съ трепетомъ вся Русь и все ея христолюбивое войнство.

Наступилъ канунъ Бородинской битвы. Массы войскъ по обѣ стороны Бородина стояли лицомъ другъ къ другу въ разстояніи 2—3 версты одна отъ другой. Солнце взошло и освѣтило оба воинскіе стана и каждому изъ нихъ послало ласку и привѣтъ. Золотой крестъ церкви Бородина ярко сіялъ въ утреннихъ лучахъ и казалось, что вотъ-вотъ изъ-подъ этого креста зазвучитъ призывной звонъ къ молитвѣ Создателю міровъ, подарившему людямъ, и это дивное солнце, и свѣжесть, и чистоту утренняго воздуха, и всю эту ширь, красоту и радость среди Его непостижимаго творенія. Но люди, собранные на этомъ полѣ, не обращали никакого вниманія ни на это солнце, ни на сіявшій въ его лучахъ крестъ; они были заняты мыслями и дѣлами, которыя отвлекали ихъ отъ всего этого, и готовились къ великому и тяжелому испытанію, выпадающему на долю каждаго изъ нихъ—здѣсь на этомъ полѣ, подъ этимъ солнцемъ и подъ сѣнью этого креста.

Въ непріятельскомъ лагерѣ видно было, какъ массы войскъ ползли въ южную сторону, скрываясь въ лѣсу. На нашей сторонѣ также передвигались нѣкоторыя части въ томъ же направленіи—къ дер. Утнцѣ, тѣ же, которыя оставались на мѣстахъ,—занимались спокойно тѣмъ чѣмъ могъ: пѣхота точила штыки, чистила кивера и мундиры. Нѣкоторые съ баками шли къ ротнымъ котламъ, пѣли молитву, ударяя при этомъ на „исполняеши и отверзаеши“ и въ общемъ глядя на все это обычное движеніе на бивакѣ, можно было повѣрить въ то, что люди оставались тутъ лишь для того, чтобы отдохнуть, пообѣдать и потомъ снова бодрыми и веселыми продолжить свой путь къ мѣсту, назначенному для ночлега. Артиллеристы въ рубахахъ разныхъ цвѣтовъ возились у своихъ пушекъ, приводя ихъ въ порядокъ; на бивакахъ кавалеріи также наблюдалась обыденная жизнь: фыркали лошади, навѣшивала торбы, чистили коней; слышались обычные „но-о! прими, куда прешь, дьяволь“, и т. п. Всюду на бивакахъ солдаты не спѣша мѣняли бѣлье и лишь только въ этомъ можно было усмотрѣть нѣчто, выходящее изъ рамокъ обыденности, т. е. производилось это съ видомъ особаго благоговѣнія, напоминающаго о томъ торжественномъ и святомъ часѣ, ради котораго это дѣлалось.

Багратионовы полки расположились близъ дер. Семеновское, занявъ возведенныя тутъ три укрѣпленія и расположившись въ нѣсколько линій за ними. Гдѣ находился самъ онъ въ этотъ день, намъ неизвѣстно, но навѣрно среди множества заботъ и распоряженій, онъ пашель все же время объѣхать свои войска,—пашель о чемъ поговорить съ солдатами и узнать путемъ общенія съ ними—не колеблется ли духъ ихъ. Что самъ онъ чувствовалъ въ

этотъ день? Сознавала ли его душа, что завтра будетъ его роковой день и не придется ему уже водить за собою свои желѣзные легионы въ кровавую сѣчу, что не придется уже ободрять ихъ примѣромъ и огненнымъ словомъ въ минуты, когда духъ человѣческій мятется и скорбитъ въ ничтожествѣ своемъ. Носила ли его великая душа въ глубинѣ своей скорбь и тоску, если она предугадала, что настала часъ сказать этому міру грустное „прости“, или же она спокойно глядѣла въ глаза вѣчности, зная, что совѣсть ея чиста передъ Богомъ и не зарыть „талантъ“, полученный ею изъ Десницы Создателя при вступленіи въ сей грустный міръ тяжелыхъ испытаній. Намъ неизвѣстна эта его тайна; она скрылась съ нимъ въ его темной холодной могилѣ, и никому-то онъ не повѣдалъ о ней.

Вотъ послышалось церковное пѣніе. Духовенство въ золотыхъ ризахъ, такъ тепло и ласково играющихъ въ лучахъ солнца, сопровождало Пречистый Ликъ Владычицы. Икону бережно и свято несли на плечахъ тѣ самые воины, которые завтра здѣсь—на этомъ же полѣ,—грудью будутъ отстаивать каждую пядь родной земли.

Возносясь и плавно колыхаясь въ прозрачномъ воздухѣ надъ шеренгами солдатъ, Святыя икона какъ бы распространяла отъ себя благодатные и теплые лучи, доходящіе до сердецъ человѣческихъ и вносящіе въ нихъ успокоеніе и тихій радостный трепетъ сознанія иного бытія,—безъ слезъ, безъ мукъ,—безъ стоновъ земли.

„Всѣ вы, здѣсь собранные воины христолюбивые, слышало сердце, восхищенное святымъ порывомъ. Я смотрю въ души ваши и живу теперь восторгомъ сердецъ и слезами умиленія, что текутъ изъ очей вашихъ. Утѣшайтесь и радуйтесь, ибо праведны пути ваши передъ Господомъ, и въ эти дни Я съ вами и не оставлю и поддержку васъ и пребуду съ вами во вѣки среди слезъ и рыданій земли“.

Процессія остановилась. Начался молебенъ. Никто не говорилъ солдатамъ назвѣныхъ высокопарныхъ проповѣдей, никто при этомъ не называлъ ихъ „птенцами“, которыхъ выслала родина на бой съ врагомъ и за которыми теперь эта родина слѣдитъ, какъ за любимымъ дѣтцемъ... просто: начали молебенъ безъ этого предварительнаго пустословія и искреннія-чистыя слезы потекли изъ глазъ людей, склонившихся передъ иконой. Заступница, Матушка, Царица Небесная, тихо вzywали солдаты, утирали эти слезы своими грубыми, мозолистыми кулаками, поддержки и помощи. И въ этихъ немногихъ словахъ было все: и горе, и тоска, и надежда измученнаго и мятущагося сердца человѣческаго. Въ всякаго сомнѣнія, на одномъ изъ такихъ молебновъ былъ и кн. Багратионъ и молился

горливо и просто, какъ простой солдатъ. На самомъ дѣлѣ вѣдь онъ въ душѣ-то и былъ простой солдатъ, хотя и генералъ; въ его душѣ солдаты видѣли свою душу, въ его словахъ они слышали тѣ хорошія мысли, которыя каждому изъ нихъ приходили въ голову, но которыхъ они не могли облечь въ ясную понятную форму.

Молебень конченъ. Люди, тѣсня другъ друга, ползли, согнувшись, подъ икону и каждый, крестясь и вздыхая, торопился пройти подъ образомъ, боясь, какъ бы не опоздать. Святыня, на плечахъ солдатъ, величаво поплыла среди войскъ и—опять тѣ же теплая молитвы, тѣ же слезы понеслись отъ другихъ сердецъ и подились изъ другихъ глазъ, но это были молитвы одной общей русской души, готовящейся къ испытанію и вызывающей о помощи свыше.

Въ этотъ же день вниманіе нашихъ войскъ было неоднократно привлекаемо могучими воинственными криками, доносившимися изъ неприятельскаго лагеря. Сначала какъ бы робкіе и нерѣшительные, они мало по малу сливались въ общую фугу, и тогда казалось, что звуками ихъ наполнялись поля и лѣса и все, что видно было кругомъ.

А-а-и-в-р-р... неслись нестройныя волны звуковъ, и люди всматривались въ даль, и каждый старался объяснить другимъ причину ихъ.

„Реветъ ханцузъ — ровно медвѣдь въ берлогѣ“, слышалось въ одной группѣ; „чавой-то тихо было, а сразу заревѣли. Репертятъ должно, какъ ревѣтъ будутъ, когда страженія зачнется. А можа передъ водкой, догадывались другіе: съ радости кричатъ. Обязательно промежь ихъ императеръ ихній ѣздитъ началъ—соскучилъ сидѣвши—дай, гритъ, поѣду, а мнѣ уру кричать станутъ—гляди и на сердцѣ полегчаетъ. И то правда: должно на прогулку поѣхалъ“. Словомъ: догадокъ было много. Не обошлось, конечно, и безъ юмора, на который очень щедръ русскій человекъ. На самомъ дѣлѣ стоящая противъ насъ армія выражала этими воплями свой восторгъ, который вызывали разными искусственными средствами: то ей показывали слащаво написанный портретъ чуть не грудного младенца, похожаго на херувима и играющаго земнымъ шаромъ, какъ мячикомъ, и тѣ, которые могли видѣть этотъ портретъ, выражали свой восторгъ крикомъ, несмотря на то, что были голодны и утомлены, а которымъ нельзя было видѣть—тоже кричали, подражая товарищамъ и не зная—почему они кричатъ; то читали передъ ними полный паюса приказъ по поводу предстоящаго боя, и они снова кричали; то наконецъ самъ виновникъ ихъ безконечно продолжительнаго похода въ невѣдомую имъ страну, блѣдный, съ одутловатымъ и строгимъ лицомъ, появился среди ихъ стана и хотя

многіе изъ нихъ, ставшихъ въ ряды этой арміи послѣ порабощенія, сознавали въ душѣ, что этотъ одутловатый человѣкъ, не моргнувъ глазомъ, пошлетъ ихъ всѣхъ на смерть, чтобы этимъ купить свою славу, но они все же кричали не ради чувства, а ради страха. А между тѣмъ и среди этихъ полчищъ было не мало людей утомленныхъ и измученныхъ душою и готовыхъ повѣдать грусть свою Тому, Кто врачуетъ страждущее сердце человѣческое, но имъ вмѣсто этого предлагали вварать на младенца, играющаго земнымъ шаромъ какъ мячикомъ, или же на одутловатое, строгое лицо человѣка, душа котораго была далека отъ святыхъ и чистыхъ порывовъ, то, наконецъ, заставляли выслушивать напускное краснорѣчивъ приказовъ.

Настала ночь, и все смолкло. Подулъ холодный вѣтеръ; пошелъ дождь. Обрывки мрачныхъ тучъ быстро неслись въ вышнѣ и видныя между ними далекія, холодныя звѣзды равнодушно свѣтили. Зажгли костры, которые шипѣли отъ мокроты и больше дымили, чѣмъ горѣли. Трудно было уснуть въ эту холодную, великую ночь. Люди, завернувшись въ шивеля, старались обогрѣться у тощаго пламени. Разговоры какъ-то не ввязались. Каждый думалъ свою думу.

Въ непріятельскомъ сталѣ безшумно передвигались массы войскъ, занимавшихъ исходное положеніе для боя. Покачиваясь на высокихъ и тощихъ коняхъ, двигались въ темнотѣ, какъ тѣни, огромныя кирасеры; молодецкатые уланы и лихіе гусары, сидя на невысокихъ и болѣе подвижныхъ коняхъ, шли скорѣе; медленно и грузно ступали по промокшей землѣ, тянулася могучая пѣхота въ киверахъ и въ огромныхъ медвѣжьихъ шапкахъ. И все это безшумно ползло въ разныхъ направленіяхъ, и только лишь тихо проносимыя команды, да хлюпанье ногъ по грязи нарушали тишину и дополняли собою печальныя тихіе стоны рыданій холодной дождливой ночи, льющей на грустную землю свои грустныя слезы. Впрочемъ кое-гдѣ слышалась и пѣсня, но и она была скорѣе рыданіе, и казалось, что и ночь, и человѣкъ, сознавъ свое одиночество, одинаково выражали свою тоску. Характерны воспоминанія Брандта объ этой ночи; они отчасти рисуютъ то настроеніе, которое переживали наши враги передъ битвой: „позади нашего лагеря, пишеть Брандтъ: долго двигались, направляясь къ правому флангу полки. Въ одномъ изъ нихъ пріятный голосъ пѣлъ Шиллерову „Пѣснь всадника“; слабый хоръ тихо вторилъ припѣвъ послѣдней строфы,—припѣвъ, который словами своими выражаетъ тоску и разочарованіе измученной души человѣческой“. Какою это полкъ—спросилъ авторъ этихъ воспоминаній. „Пруссаки“—отвѣчали ему. Воображаю—на сколько были искренны крики восторга этихъ солдатъ, когда ихъ старались бодрить вышеуказанными способами.

Часовъ въ 5, когда было еще темно,—грянула пушка съ одной изъ батарей у Семеновскаго! показалось въ темнотѣ, что колонны французовъ пошли уже въ штурмъ. Раскатилось яхо по полямъ и, сердито ворча, замерло гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсахъ. Дождь пересталъ, и утро обѣщало быть яснымъ. Главнокомандующій, услышавъ звукъ выстрѣла, поѣхалъ на батарею въ Горкамъ, и вскорѣ сюда собралась вся его свита. Бивачные огни гасли. Войска становились „въ ружье“. Наполеонъ направился къ Шевардину. Его войскамъ читали приказъ, который говорилъ имъ и про теплыя квартиры, и про изобиліе въ питаніи, и про скорое возвращеніе домой, и Богъ знаетъ еще о чемъ. Взошло солнце и начало пригрѣвать и сушить промокшія за ночь поля и продрогшихъ людей; вѣроятно, этотъ свѣтъ и тепло подѣйствовали и на Наполеона и вызвали у него желаніе повактерствовать лишній разъ на глазахъ его окружающихъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о томъ, что достаточно ему поднять только одинъ палецъ и молча постоять въ теченіе нѣсколькихъ секундъ съ опущенной головой, какъ бы о чемъ-то думая (на самомъ же дѣлѣ быть можетъ и не о чемъ), какъ исторія истолкуетъ это событіе по-своему и запишетъ о немъ на своихъ страницахъ приблизительно такъ: „насталъ роковая минута. Императоръ, обозрѣвъ будущее поле сраженія, долго стоялъ въ задумчивой позѣ, не произнося ни слова. Его правая рука была слегка приподнята, какъ бы ловя глубокую и великую мысль, которую посылало ему въ эту торжественную минуту само небо. Склоненное чело выражало глубокую думу и т. д., а быть можетъ въ данную минуту это „чело“ только и думало о томъ,—какіе это странныя и смѣшныя существа—люди, выдумавшіе такую науку, которая очень не рѣдко великое видитъ только въ смѣшномъ. Такъ было и теперь, и великій человѣкъ проговорилъ всего только три слова, которыя стали достояніемъ исторіи, совершенно такъ же, какъ и „40 вѣковъ, смотрящихъ съ пирамидъ“. „Вотъ солнце Аустерлица“—изрекъ онъ, указывая театральнымъ жестомъ на дневное свѣтило и давъ тему для спора, т. к. и теперь нѣкоторые утверждаютъ, что онъ сказалъ „вотъ солнце Аустерлица“, другіе же говорятъ, что было изречено: „это солнце Аустерлица“. Съ первыми лучами „солнца Аустерлица“ началось сраженіе, и въ то время, когда надъ Колочью у Бородина лучи свѣта нагрѣвали и поднимали бѣлый утренній туманъ, уже загрохотала перестрѣлка сначала въ самомъ Бородинѣ, а потомъ и у моста въ Колочи. Что происходило тамъ,—трудно было опредѣлить за туманомъ, но по звукамъ выстрѣловъ можно было заключить, что дѣло завязалось жаркое. Когда поднялся туманъ, то на обѣихъ берегахъ рѣчки лежало множество людей въ киверахъ, и

можно было подумать, что въ некоторые изъ нихъ спятъ, а другіе ищутъ чего-то на землѣ. Это полковники Карпенковъ и Вуйчъ съ 1 и 19 егерскими полками выполняли возложенное на нихъ порученіе, прогнавъ французовъ на рѣку и уничтоживъ мостъ черезъ таковую.

Такъ былъ законченъ 1-й эпизодъ битвы, но самая гроза готова была разразиться на участкѣ, занимаемомъ войсками Багратиона: съ восходомъ солнца 130 непріятельскихъ орудій начали громить наши укрѣпленія у Семеновскаго и стало замѣтнымъ, какъ массы французовъ двинулись по открытому мѣсту и по лѣсу, что былъ лѣвѣе этихъ батарей. Казалось, что лѣсъ сплошь наполнился людьми, и слышно было, какъ хрустѣли вѣтви подъ ногами. То двигались корпуса Даву, Нея и Жюдо и три кавалерійскихъ корпуса подъ общимъ начальствомъ Мюрата. Въ лѣсу не было ни тропы, ни дороги, и вся эта лавина медленно продиралась черезъ чащу. Чудилось, что она своимъ неудержимымъ стремленіемъ повалитъ лѣсъ, дабы очистить себѣ путь. Наконецъ головы колоннъ выбрались на чистое мѣсто передъ нашими батареями и начали строиться къ атакѣ. Завязжали смертоносныя пули картечи, нанося французамъ большія потери. Наши егеря также открыли огонь. Французскіе генералы: Компанъ, Дезе, Раппъ и самъ Даву были ранены и контужены. Духъ и рѣшимость войскъ были поколеблены, и въ концѣ концовъ атака ихъ не имѣла никакого успѣха. Это произошло около 7 часовъ утра, а въ 7 час. Наполеонъ приказалъ возобновить атаку, придавъ къ этимъ войскамъ свѣжія части. Кн. Багратионъ видѣлъ, что предпринимаетъ противъ него непріятель. Онъ опытнымъ глазомъ окинулъ силы французовъ и понялъ, что у него не хватитъ силъ, чтобы удержать напоръ противника. Тогда онъ стянулъ къ себѣ все, что было въ состояніи привлечь къ рѣшительному пункту боя, и послалъ къ главнокомандующему просить о присылкѣ другихъ войскъ. Кутузовъ не замедлилъ присылкой подкрѣпленій. Онъ зналъ, что Багратионъ не сталъ бы просить о нихъ, если бы не имѣлъ въ этомъ настоящей надобности, и онъ послалъ три полка кирасиръ, Литовскій и Измайловскій гвард. полки и артиллерію.

Стоя среди колоннъ своихъ войскъ, Багратионъ ободрялъ ихъ, и они внимала каждому его слову. Вѣроятно, онъ снова напоминалъ имъ о томъ, чтобы не увлекались стрѣльбой, чтобы шли на врага сомкнуто и смѣло, надѣясь на помощь Божию и на острый штыкъ. Наконецъ французы устроились и двинулись въ атаку. Затряслась земля отъ массы бѣгущихъ людей и отъ несущихся дивизій конницы. То французы брали верхъ надъ нами, то наши ихъ

осаживали, и наконецъ уже дивизія Коновницына рѣшила дѣло въ нашу пользу. Непрiятель отхлынулъ, и мѣсто битвы сплошь усѣялось поверженными бойцами. Эта безрезультатная вторая атака, равно какъ и прочія атаки, которыя съ тѣмъ же успѣхомъ производились французами на другія части нашей арміи, повергли въ бѣшенство Наполеона. Мрачный, онъ наблюдалъ поле битвы, посылая свои корпуса на истребленіе. То и дѣло къ нему прибывали адъютанты и докладывали ему про упорство русскихъ, передавая просьбы посланныхъ ихъ начальниковъ о подкрѣпленіи. Но онъ и самъ видѣлъ это упорство русскихъ и то сложное положеніе, которое готовилось для него и его арміи, благодаря этому упорству. Онъ на него не рассчитывалъ очевидно, когда писалъ свой историческій приказъ о теплыхъ квартирахъ, изобиліи и скоромъ возвращеніи и когда, предвкушая славу побѣды, „пѣлъ“ гимнъ восходящему солнцу. Богъ знаетъ, конечно, что испытывала въ эти мучительные часы его душа; быть можетъ, онъ своей душой холодной и глухой къ страданью улавливалъ намеки на укоръ и упрекъ по поводу безцѣльности этого грандіознаго похода и ужаснаго кровопролитія, и мысли эти тяжелымъ молотомъ ударили въ его мозгъ, заставляя его страдать. Онъ видѣлъ, какъ таяла его могучая армія, а за спяной у него на тысячи верстъ раскинулись страны, вмѣ покоренныя и быть можетъ теперь уже готовыя свергнуть вѣгъ его дешевыхъ надъ ними побѣдъ. И только лишь одна гвардія осталась пока не тронутой и цѣлой, тогда какъ прочіе корпуса истекаютъ уже кровью и долго имъ придется залѣчивать свои глубокія, почетныя раны: онъ ни за что не пошлетъ своей гвардіи въ эту бойню: она его послѣдній ресурсъ,—послѣдній оплотъ и надежда. Избалованный удачами, онъ въ сущности говорилъ въ 1-й разъ натолкнулся на такое упорство своего противника.

Правда, въ его воспоминаніи промелькнулъ „Ваграмъ“, гдѣ непріятель былъ достаточно упоренъ, и гдѣ можно было видѣть, что счастье его виситъ на волоскѣ, но тамъ для того, чтобы перетянуть чашу вѣсовъ на свою сторону, ему достаточно было переодѣть одного изъ своихъ маршаловъ въ мундиръ времени республики и, поставивъ его во главѣ не очень уже многочисленной колонны своихъ войскъ, сказать: „ступайте и либо умрите, либо раздавите своею массою центръ непріятеля и разрубите мечомъ своимъ скрытый тамъ узелъ побѣды“. И маршалъ пошелъ и выполнилъ все, какъ было ему сказано, и снова геній вѣлѣвшаго былъ превознесенъ до небесъ. Здѣсь же, въ этой великой битвѣ, не одного маршала онъ ставитъ во главѣ огромныхъ массъ, а трехъ-четырехъ и всѣмъ имъ со скрежетомъ зубовымъ повторяетъ все то же: „умрите“; подѣ

гниномъ этого слова лавины войскъ несутся впередъ, но маршалы падаютъ, сраженные на пути своемъ, а лавины таютъ и, докатившись уже жидкими волнами до скалъ береговыхъ утесовъ, со стономъ и ревомъ рассыпаются въ прахъ послѣ могучаго удара.

Онъ вспомнилъ о томъ, что у него есть еще много пушекъ и ядеръ, и рѣшилъ уничтожить сопротивляющихся ему при посредствѣ этого. Болѣе 400 орудій начали громить войска наши, и подъ грохотъ этой канонады начали снова стронуться къ атакѣ легіоны непріятеля. Буквально по трупамъ товарищей пошли впередъ, и казалось, что все уничтожать и сомнуть они своимъ стремленіемъ. Кн. Багратионъ, смотря на эту потрясающую картину, ощущалъ въ душѣ своей восторгъ, который всегда взрадывался и охватывалъ его военное сердце при видѣ мужества и безпредѣльной отваги. А французы дѣйствительно достойны были восхищенія въ эти минуты. Картечь вырывала ихъ ряды, а кивера живыхъ людей, мелькая сквозь дымъ, плавно колыхались, и видно было, какъ закаленные въ бояхъ воины несли свои ружья, держа ихъ „подъ прикладъ“, какъ на парадѣ. Любуясь и восхищаясь этимъ зрѣлищемъ, Багратионъ въ восторгѣ неоднократно повторялъ: „браво, браво!—какими молодцами они идутъ“—и ему захотѣлось показать врагамъ, что если они умѣютъ смотрѣть прямо въ глаза смерти, то и мы нисколько не уступимъ имъ въ этомъ. Онъ зналъ, что каждый изъ его воиновъ душой рвется теперь впередъ навстрѣчу врагу. Они теперь стрѣляютъ, потому что это имъ приказано, стрѣляютъ не всѣ, а только егеря, а прочіе только стоятъ, ожидая непріятеля. „Пули дура, штыкъ молодецъ“, припомнилъ онъ въ эту минуту, и ему захотѣлось сейчасъ же прекратить эту стрѣльбу, которая вела только къ ослабленію духа, и сейчасъ же двинуться впередъ, съ громкимъ „ура“—въ штыки.

Онъ поскакалъ къ полкамъ. „Впередъ, братцы, впередъ; въ штыки; ура!“ закричалъ онъ, и полки услышали въ пылу боя призывной вопль своего вождя и съ могучими криками они пошли впередъ, склонивъ свои штыки. Самъ онъ, ихъ любимый вождь, ведетъ ихъ, подобно тому, какъ это было въ былые, славные дни. А кругомъ то и дѣло порхали ядра и чивенки. „Здѣсь даже и трусъ не найдетъ себѣ мѣста“, сказалъ Багратионъ, обращаясь къ своей свитѣ, и въ этотъ моментъ разорвалась упавшая вблизи чивенка и онъ почувствовалъ сильную боль въ передней части правой берцовой кости. Посмотрѣвъ на ногу, онъ увидѣлъ, что вся она въ крови. Полки его уже сѣбились съ французами, и въ то время, какъ передніе бились уже штыками и прикладами, задніе, идя въ колоннахъ, кричали „ура!“ въ честь своего вождя и предстоящей сѣчи.

Не желая показать своимъ питомцамъ вида, что онъ раненъ, кн. Багратіонъ, махая рукой, въ которой сверкала шашка, кричалъ что-то проходящимъ войскамъ и они, хотя и не слышали за грохотомъ боя его словъ, но сердцами своими улавливали смыслъ того, что онъ говорилъ имъ и, поворачивая головы въ его сторону, кричали еще громче и воинственнѣе. Одинъ полкъ приходилъ за другимъ, и всѣ они исчезали изъ горнякъ битвы, а онъ все стоялъ и трудно было ему разстаться въ эти торжественныя минуты съ солдатами и дѣтьми своими, съ которыми ероднялось сердце его, но наконецъ силы изнемогли. Все помутилось въ его глазахъ: и грохотъ боя и крики людей—все это какъ бы утихло для него и перестало быть. Единственное, что онъ сознательно ощущалъ, это дурноту и головокруженіе, и блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ склонился къ сѣдлу. Кто-то поддержалъ его,—кто-то неутѣшно зарыдалъ, и это промелькнуло въ его сознаниі, и онъ не могъ уяснить себѣ, о чемъ рыдаетъ и скорбитъ нагнувшійся надъ нимъ человѣкъ, и кто онъ, и зачѣмъ онъ склонился надъ нимъ. Онъ не сознавалъ того, что его безпомощнаго и окровавленнаго положили на землю, политую кровью человѣческой, и что къ этой крови теперь примѣшалась кровь одного изъ лучшихъ воиновъ русскихъ,—его кровь. Его положили на носилки и, наскоро перевязавъ рану, понесли на перевязочный пунктъ. Неоднократно во время этой переноски сознание возвращалось къ нему, и тогда ослабѣвшимъ голосомъ онъ начиналъ спрашивать у сопровождавшихъ его о томъ—не посрамились ли безъ него его „чудо-богатыри“ и даже дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для боя. Потомъ онъ снова впадалъ въ забытѣе и умолкалъ, и тогда душа его чувствовала неизъяснимую радость отъ того успокоенія, въ которое она погружалась. Все земное какъ-то вдругъ исчезало передъ ней; всѣ стоны, слезы и вопли земли, среди которыхъ душа жила такъ долго, отодвигались отъ нея куда-то во мракъ времени, и все это теперь казалось такимъ ничтожнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ торжественнымъ великимъ покоемъ, въ пучинѣ котораго и таялась истинная жизнь и родина души; и къ этой родинѣ рвалась теперь душа радостная и ликующая,—гордая сознаниемъ исполненнаго ею долга и честнымъ выполненіемъ той мисси, которую возложилъ на нее Творецъ, отпуская эту душу въ одинъ изъ Его безчисленныхъ міровъ, девизъ котораго—страданіе и пѣсни-стонъ. А тѣмъ, которые его несли и сопровождали, было больно и невыразимо тяжело на сердцѣ, ибо сознавали они въ тоскѣ своей, что уходитъ отъ нихъ „человѣкъ“, и невидимая и неуловимая для нихъ земныхъ чувствъ радость и ликование возвращающейся на родину души казалась имъ печатью

холодной и ужасной смерти, безсердечно хватающей отъ нихъ то, что было имъ дорого и мило и что при жизни своей вливало въ нихъ силу и бодрость и давало имъ поддержку на трудномъ, тернистомъ пути каждаго изъ нихъ. Во время перевязки онъ почти не чувствовалъ боли и не испытывалъ страданій, ибо душа его по-прежнему была отвлечена сладкимъ предвкушеніемъ жизни среди свѣта и истины и только, когда докторъ запускалъ свой грубый зондъ въ рану, то ужасная боль заставляла душу снова возвращаться на землю, и она глухимъ болѣзненнымъ стономъ выражала свою тоску отъ минутнаго соприкосновенія съ болью земли и ей не хотѣлось уже больше погружаться въ этотъ міръ, и она готова была молить Создателя о своемъ освобожденіи.

Послѣ перевязки его отпразднили въ Москву, и воины его, исполнивъ свой долгъ на полѣ брани, усталые и печальные, шли этою ночью по большой Московской дорогѣ, оставивъ половину своихъ товарищей на этомъ полѣ, и печаль ихъ тогда была бы неутѣшной, если бы кто-нибудь увѣрилъ бы ихъ, что не увидятъ они своего вождя, но, къ счастью, каждый изъ нихъ въ эти мрачные и тягостные часы жилъ надеждою на то, что снова онъ вернется къ нимъ и свротству ихъ придетъ тогда конецъ. Но такова была Великая воля Творца: Онъ взялъ отъ нихъ раба своего, посланнаго въ міръ на тотъ срокъ, продолжительность котораго—въ Его Волѣ и независима отъ жалкихъ человѣческихъ нуждъ и стремленій.

12-го сентября 1812 года, въ м. Семы, Владимірской губерніи, принадлежащемъ кн. Голицыну, тихо почилъ доблестный воинъ, сердцецѣдецъ и ловецъ душъ человѣческихъ—генералъ-отъ-инфантерій, князь Петръ Ивановичъ Багратионъ и 17 числа этого же мѣсяца, священникъ, напутствуя душу великаго человѣка къ предѣламъ ея вѣчной родины, тихо и печально просилъ Создателя о принятіи этой души въ свѣтлыя и вѣчныя обители. И плакала всѣ, слышавшіе эту мольбу бѣднаго человѣка предъ Его Создателемъ, и въ этой дерзновенной мольбѣ было такъ много трогательнаго и утѣшительнаго, ибо въ ней становился ничтожный человѣкъ къ подножію трона Творца міровъ и вселенныхъ и, несмотря на ничтожество свое, начиналъ лепетать на языкѣ своемъ и плакать слезами глазъ своихъ, и Великій и Вѣчный слушалъ созданіе Свое и не устраивая его отъ лица Своего, ибо Онъ, Непостижимый, Самъ позволялъ ему нести слезы и горе свое къ Себѣ, дабы утѣшить въ тоскѣ тотъ прахъ, въ который Онъ вселилъ душу живую. И оплакивали почившаго всѣ русскіе люди, ибо былъ человѣкъ и не стало его между ними. Жилъ онъ и трудился въ теченіе своей жизни въ пользу и въ славу родной земли, и вотъ оборвалась нить его жизни,

дѣянія его записаны на память потомству и въ поученіе людямъ, дабы знали они про человека, гордился имъ, потому что былъ онъ изъ ихъ страны, и черпали въ дѣлахъ его назиданія себѣ. И теперь, когда прошло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ міръ великій человекъ, невольно хочется спросить у народа русскаго— у бѣдныхъ и богатыхъ, у ученыхъ и темныхъ, и спросить такъ: „Народъ російскій, вѣдомо ли тебѣ о томъ, — кто вѣчнымъ своимъ почилъ въ м. Симахъ?“ И сердце чувствуетъ, что печалень будетъ отвѣтъ, и что всѣ въ одинъ голосъ скажутъ: „нѣтъ, не знаемъ“, и только лишь одиночные, очень немногіе голоса прокричатъ: „знаемъ, знаемъ—кто вѣчнымъ своимъ почилъ въ м. Симахъ и чтилъ дѣянія почившаго“. Но быть можетъ, люди русскіе, вы знаете про тѣхъ „богатырей“ земли вашей, которые когда-то жили среди васъ, украшая собою страну вашу и исторію вашу и къ побѣдамъ водили славныя полчища російскія? И снова слышенъ печальный отвѣтъ отрицанія, и лишь очень немногіе, почти одиночные голоса прокричатъ: „знаемъ, знаемъ и цѣнимъ дѣянія ихъ“. И устыдится тогда народъ темноты своей и скажетъ: „никто не напомнилъ и не сказалъ намъ про этихъ людей и про дѣла ихъ, какъ будемъ знать ихъ и черпать въ нихъ силу и крѣпость, если не вѣдаемъ дѣлъ ихъ. А вы, воины христолюбивые, ужель и вамъ невѣдомо имя почившаго въ Симахъ старшаго брата вашего, который жилъ среди дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ, уча ихъ на собственномъ примѣрѣ тому, какъ надо любить страну свою и жертвовать своею кровью во благо ея. „Нѣтъ, не знаемъ мы про это“, отвѣтятъ и воины: „мы отъ народа, и никто не говорилъ намъ объ этомъ ни въ школахъ, ни въ домахъ; и если въ школахъ учили насъ чему, то это не дошло до глубины сердецъ нашихъ и не зажгло душъ нашихъ; „никчемному“ насъ тамъ учили, да и то мы позабыли“. Развѣ не вѣрно то, о чемъ здѣсь говорю съ болью и тоскою.

Въ школахъ нашихъ дальше сказочки: „скирлы, скирлы, — на линовой ногѣ, на березовой клюкѣ“ и т. под. „никчемнаго“ вздора не идутъ. Каждый изъ насъ, имѣющихъ общеніе съ солдатами, можетъ подтвердить это. Спросите у прішедшихъ въ роту новобранцевъ о томъ—кто изъ нихъ былъ въ школѣ и учился въ ея стѣнахъ, и половина изъ нихъ окажется такими, но изъ этой половины одинъ, или два отвѣтятъ вамъ на вопросъ даже о Суворовѣ только то, что онъ былъ „войка“ (буквальное выраженіе), безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, а главное безъ намека на тотъ святой огонекъ, который, при правильномъ взглядѣ на вопросы о воспитаніи народныхъ массъ, непременно долженъ загораться въ русской душѣ при воспоминаніи этого имени. О Багратионѣ лучше и совсѣмъ не спра-

пѣвать, ибо отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ гробовое молчаніе. „Арфа сломана; аккордъ ужь не рыдаетъ“,—такъ нужно перефразировать въ данномъ случаѣ стихъ поэта—и больно, и грустно подобное забвеніе великихъ дѣлъ великихъ людей.

Зачѣмъ же эти школы, къ чему всѣ эти гимназіи, если въ ихъ стѣнахъ учатъ всему, чему хотите, но не говорятъ о главномъ, въ чемъ юношество можетъ черпать силу и крѣпость при выполненіи своего долга передъ Царемъ и Россіей. Мы набиваемъ головы юношей разказами про „Пипиновъ Короткихъ, Генриховъ Птицелововъ“, и т. подобными „историческими сказками“, незнаніе которыхъ не принесло никому никакого бы ущерба, а про такихъ „колоссовъ“, какъ Багратионъ и ему подобные богатыри земли русской, дѣянія которыхъ должны проникнуть въ глубину души, мы, если и упоминаемъ въ стѣнахъ школъ и средне-учебныхъ заведеній, то только черезъ посредство свѣтворныхъ и шаблонныхъ повѣствованій, не оставляющихъ въ душѣ никакого слѣда. Надо ли говорить про то, какъ чтутъ своихъ героевъ вѣмцы, французы и японцы; каждому это извѣстно, у насъ же, въ день столѣтней годовщины смерти Суворова, публика, глядя на тѣ приготовленія, которыми хотѣли почтить память усопшаго, говорила почти съ ироніей: „готовятся къ солдатскому празднику“, и въ этихъ словахъ звучало полупрезрительное, — если не сказать сильнѣе, отношеніе къ усопшему. Вотъ плоды системы воспитанія нашего юношества. Въ высшей военной школѣ лѣтъ 15—20 тому назадъ изучали разныхъ „Фридриховъ, Карловъ и Адольфовъ“, съ „Цоридорфами и Кунендорфами“, а своихъ великановъ оставляли въ забвеніи, находя, видите ли, дѣянія ихъ мало поучительными. Безсмертные итальянскій и швейцарскій походы обходили молчаніемъ, а про какое-нибудь „Арколе“, или „Лодди“ говорили съ жаромъ и пламенемъ, стараясь увѣрить слушателей, что все это перлы, про которые долженъ знать весь міръ. Про какого-нибудь Цитена или Зейдлица говорили такъ, что слушатели начинали воображать себѣ фигуры этихъ господъ въ видѣ закованныхъ въ латы исполиновъ, которые, если разъ махнутъ мечемъ,—то переудочки, а другой разъ махнутъ, такъ и улицы, про Багратиона же и ему подобныхъ — таинственное молчаніе. Отчего же это? А Богъ знаетъ; должно быть, такова наша натура, да и не мѣсто здѣсь разбирать этотъ вопросъ.

Спи же вѣчнымъ сномъ, доблестный воинъ русскій и учитель нашъ, князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, и да будетъ тебѣ пухомъ земля родной страны. Духъ твой бессмертный дождется тѣхъ свѣтлыхъ дней, когда всякъ истинно русскій человекъ будетъ чтить

имя твое, какъ великаго чловѣка, и когда юноши наши будутъ воспитываться, изучая дѣянiя твои и тебѣ подобныхъ людей русскихъ, и тогда загорятся въ сердцахъ ихъ любовь только къ своей великой родинѣ, вбо спадеть съ очей ихъ повязка, данная имъ быть можетъ только для того, чтобы усугубить радость прозрѣнiя.

Миръ душѣ твоей и вѣчная тебѣ память.

Надо ли говорить, что прахъ почившаго въ 1839 году былъ торжественно перевезенъ и погребенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ духъ, въ немъ обитавшiй по волѣ Создателя, свершилъ назначенное ему. Прахъ отшедшаго теперь покоится на мѣстѣ, гдѣ пролилась его кровь во славу горячо имъ любимой родины.

Л. Бѣльковичъ.

